
University of
Michigan
Libraries

КРАТКАЯ ФОНЕТИКА и МОРФОЛОГІЯ ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА.

ЛЕКЦІИ

ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета

Романа Брандта.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

Извлечено изъ XX-го тома Историко-филологическаго отдѣла Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета.

Письмо.

Гласныя буквы. Изъ гласныхъ буквъ вызываютъ на замѣчанія у, é, ó, ą и ę.

Y обозначаетъ *ы*, нпр. ryba, byk. Знаки é и ó читаются первый какъ у или какъ i, смотря по твердости или мягкости слога, второй—какъ u, нпр. Bóg Богъ, rózga розга; примѣры на малоупотребительное é здѣсь было бы неудобно приводить. Буквы ą и ę обозначаютъ гласные носовые, а именно носовыя *о* и *е*, въ родѣ французскихъ слоговъ on и ain въ bon и pain, нпр. są суть (глагольная форма), gnę гну, mąka мукá, męka мýка.

Еще слѣдуетъ отмѣтить значеніе буквы i передъ другими гласными: въ этомъ случаѣ она обозначаетъ мягкость предшествующаго согласнаго звука, такъ что сочетанія ia, io, iu соотвѣтствуютъ русскимъ буквамъ *я*, *ё* и *ю*, нпр. piana пѣна, ciotka тётка, dziura дыра; изъ этого слѣдуетъ также, что написанія miód и piąty читаются мют и пёнты. Буква i ставится и передъ *е*, простымъ и носовымъ, нпр. sienny сѣнной, pięta пятка: въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкость не обозначена, согласные передъ *е* довольно тверды, нпр. sen сонъ, pęta узы. Передъ i, въ качествѣ гласной, мягкость, какъ и по-русски, подразумѣвается, нпр. niwa, sito. Замѣтимъ, что и слогъ ci мягокъ и не совпадаетъ съ cy: cyfra, но cichy (тихій).

Согласныя буквы. Буква *c* во всякомъ положеніи читается за *ц*, нпр. praca работа, co что, cudzy чужой, garniec горшокъ, cnota добродѣтель. S и между гласными звучитъ какъ русскій *с*, нпр. kosa=рус. коса, а коза пишется koza. Сочетаніе cz соотвѣтствуетъ русской буквѣ *ч*, нпр. czas=часъ (значитъ—время), częsty частый, bicz. Sz обозначаетъ *ш*, нпр. szum, kasza, kosz корзина. Szcz равно русскому *щ*: szczodry щедрый, puszczę пущу. Для обозначенія *ж* служитъ z съ точкой, или чаще съ апострофомъ, нпр. żaba (значитъ—лягушка), żona жена. Rz также читается *ж*,

нпр. morze море, rzadki рѣдкій, grzęda грядка, brzoza береза, вмѣсто чего въ исходѣ и передъ безголосными согласными (какъ почти само собой разумѣется), а также позади безголосныхъ звуковъ k, t, p и ch слышится *ш*: kierz кустъ, gorzki горькій, krzak=kierz, trzoda стадо (=малорус. череда́), przodek предокъ, chrzan хрѣнъ.

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова и передъ согласными, тамъ, гдѣ по-русски пишется ь, обозначается надстрочнымъ знакомъ—акутомъ (ʹ), нпр. koń, gęś гусь, pić пить, bądź будь!, końskі, leśny лѣсной, późny поздній. Отступая отъ другихъ, буква l сама по себѣ обозначаетъ *л* мягкій, нпр. ból боль, Polska Польша; поэтому она и передъ гласными не принимаетъ умягчающаго i, такъ что la, le, lo, lu (ló) читаются *ля*, *ле*, *лё*, *лю*, нпр. las лѣсъ, wola, lewy, pole, ludzie (=староцерк. людие), lód, род. lodu (=староцерк. ледъ-леда). Когда же нужно обозначить твердость l, то его перечеркиваютъ прямою, или же изогнутою чертою, нпр. ładny красивый, хорошенькій, wołać звать, łeb башка, tłusty толстый, łódź, род. łodzi лодка, żółty жолтый.

Фонетика.

Ъ и ь. Глухіе гласные въ Польскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ открытыхъ слогахъ нѣмѣютъ, а въ замкнутыхъ (ставшихъ таковыми вслѣдствіе онѣмѣнія глухого слѣдующаго слога) проясняются. Ъ, проясняясь, даетъ *e*—неумягчительное, т. е. съ предшествующимъ согласнымъ твердымъ, какъ память о широкомъ звукѣ ъ: староцерк. сънъ по-польски sen, род. къ нему съна—snu; wyspa (островъ)=праслав. *высъпа (корень съп: сълж-соути)—уменьшит. wysepka; суффиксъ ъкъ даетъ по-польски ek, нпр. piątek, род. -tku, при староцерк. пятъкъ; отмѣтимъ также слова łeb, род. łba башка,—основному лъбъ, и reż, род. rży=ръжь (слово старинное, вм. котораго теперь употребляется żyto). Насчетъ судьбы ъ въ Польскомъ языкѣ слѣдуетъ сдѣлать еще два замѣчанія. Во первыхъ, хотя *e*, замѣнившее ъ, вообще неумягчительно, но исключеніе составляютъ звуки *g* и *k*, которые въ этомъ случаѣ мягки: brat—твор. bratem, но Bóg—Bogiem, buk—bukiem. Во вторыхъ нужно замѣтить, что Польскій языкъ не особенно чувствителенъ къ скопленію согласныхъ и иногда представляетъ опуще-

ніе ъ тамъ, гдѣ въ Русскомъ языкѣ является замѣна его чистымъ гласнымъ: кровь, род. крови (кръвь—кръве) звучитъ krew, krwi (въ старину съ болѣе архаическимъ окончаніемъ krwie); плоть, род. плоти (плъть—плъти)—płeć, płci (въ значеніи пола—sexus). Слѣдуетъ думать, что Польскій языкъ сохранилъ здѣсь старину, отъ коей Русскій языкъ уклонился, вставивши въ затруднительныя созвучія заимствованный изъ другихъ падежей гласный. Звукъ ь, какъ по-русски, нѣмѣя оставилъ послѣ себя мягкость, а проясняясь далъ е умягчительное: dzień, род. dnia (дьнь, дьне), koniec—końca (коньць); len—lnu (льнъ), chrzest—chrztu крещеніе (крьстъ), r шепелявый, слѣдъ ŕ,—появленіе ch вмѣсто k здѣсь едвали фонетическое, вѣроятно ch явилось сюда изъ—Chrystus. Относительно ь нужно сдѣлать оговорку. Было сказано, что ь, нѣмѣя оставляетъ по себѣ мягкость, и проясняясь даетъ умягчительный гласный; но иногда мягкость впослѣдствіи изчезла. Такъ произносятъ krew (кръвь), хотя иногда и пишутъ—kreẃ; въ словѣ koniec—c твердый, хотя послѣ него утраченъ ь (коньць), въ словѣ orzeł, род. orła, изъ основного орьлъ, шепелявый r самъ по себѣ отвердѣлъ, а простой r—путемъ уподобленія слѣдующему ł. Польскій языкъ допускаетъ органическое онѣмѣніе еря (такъ же какъ и ера) въ открытомъ слогѣ, тамъ, гдѣ другіе языки отъ него уклоняются: klnę=кльнѫ (русское кляну заимствовало я изъ инфинитива клати—клясть); plwać—пльвати; łza—сльза (ł повидимому указываетъ на первоначальное слъза, тогда какъ наше „слеза" предполагаетъ сльза).

Въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ на проясненіе и онѣмѣніе ъ и ь, были такіе, гдѣ ъ и ь слѣдовали за звуками r и l. Теперь надо разсмотрѣть тѣ случаи, гдѣ староцерковный языкъ представляетъ ръ, рь, лъ, ль, которыя, по сравненію съ другими языками, должны представлять слоговые r и l (ŗ, ļ). Слоговой r твердый далъ ar—тръгъ targ; неизвѣстное староцерковному языку кръкъ (шея)—kark,=чешск. krk; ŗ мягкій по-польски прежде всего явился въ видѣ iŕ (r—мягкій), откуда или шепелявое—irz или (примѣняясь къ слѣдующему твердому)—ir; въ новопольскомъ—i здѣсь перешло въ e: ierz, ier; такую замѣну ŗ мы видимъ передъ звуками губными и задненебными, нпр.: wierzba (врьба), wierzch (врьхъ), czerpać (чрьпати), sierp (срьпъ)—рядомъ съ sierzp. Дру-

гая замѣна ŗ́, совпадающая съ замѣной ŗ твердаго, есть ar; это можно объяснить тѣмъ, что ŗ́, оставаясь еще слоговымъ, передъ твердыми зубными ł, d, s, z, ł, передъ коими является такая замѣна, отвердѣлъ и послѣ раздѣлилъ участь твердаго. Примѣры: czarny (чрьнын), martwy (мрьтвын), sarna (срьна, козуля, cervus capreolus). Слоговой l по-польски встрѣчается въ двухъ видахъ — eł и łu: съ одной стороны плънын — pełny; влъна — wełna; *глъкъ—giełk (голкъ, звукъ; g здѣсь мягкое, какъ передъ e изъ ъ); съ другой стороны: стлъпъ—słup; длъгын—długi; тлъстын—tłusty. Кромѣ этихъ двухъ обычныхъ замѣнъ, встрѣчаемъ также своеобразныя замѣны ḷ, для которыхъ не видно объясненія: млъвити по-старопольски mołwić, по-новопольски mówić: l далъ oł, ół, а затѣмъ ł изчезъ; слъньце—słońce, гдѣ вм. ḷ—ło; этотъ послѣдній случай можно объяснять въ связи съ первымъ, т. е. ḷ сначала перешелъ въ oł, а потомъ произошла перестановка; ибо можно думать, что въ исключительныхъ случаяхъ языкъ могъ прибѣгнуть къ исключительному средству: въ данномъ словѣ перестановка оправдывается совершенною необычностью соединенія łńc—по-русски л здѣсь не произносится, также и Словенцы пишутъ solnce, выговаривая „sonce"; болгары выговариваютъ сънце (что пишется слнце) или слънце. Появленіе oł вм. ḷ составляетъ правило послѣ шипящихъ согласныхъ: члънъ—czołn, жлътын—żółty. Но здѣсь приходится предполагать слоговой l мягкій. Вмѣсто ḷ мы еще находимъ въ польскомъ il, рядомъ съ русскимъ твердымъ слогомъ ол: влъкъ—wilk, млъчати—milczeć, возможно, какъ предполагаетъ Ягичъ, что для этихъ словъ болѣе правильное написаніе есть—влькъ, мльчати; отсюда понятно появленіе il, которое=irz, ir, какъ замѣнѣ ḷ́. Но если понятны при такомъ взглядѣ польскія wilk, milczeć, зато непонятны волкъ, молчать.

Ѣ въ Польскомъ языкѣ чаще всего является въ видѣ е умягчительнаго: niemy—нѣмой, lewy—лѣвый, krzepki—крѣпкій, chléb-chleba; rzeka—рѣка, bieg, śmiech. Ѣ является въ такомъ видѣ передъ губными и задненебными согласными; иное дѣло передъ твердыми зубными, т. е. передъ t, d, s, z, ł, n и еще передъ r: передъ ними ѣ подвергается расширенію въ а, при чемъ конечно, предшествующій согласный сохраняетъ свою мягкость (для краткости можно говорить, что ѣ переходитъ въ я), когда же за нимъ

слѣдовалъ мягкій согласный, ѣ всегда переходилъ въ *e*: miesiąc—мѣсяць, kąpiel—кѫпѣль, pieniądz—пѣнѧзь (монета), но wianek—вѣнокъ, lato—лѣто, gniady—гнѣдой, piasek—пѣсъкъ, gwiazda—звѣзда, biały, miara. На основаніи сказаннаго ясно, что если вслѣдствіе производства, склоненія или спряженія, случится измѣненіе твердаго зубного въ мягкій, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется замѣна *ѣ*, такъ въ словѣ—wianek мы видѣли *a*, но родственное реченіе вѣньць звучитъ wieniec, отъ las (лѣсъ) происходитъ leśny (лѣсной), прилаг. biały имѣетъ сравнительную степень bielszy, miasto (городъ=рус. мѣсто; наше „мѣсто" передается уменьшительной формой miejsce)—мѣстный падежъ—„w mieście"; jadę (ѣду) образуетъ 2-е л. jedziesz. Однако изъ этого звукового закона есть много исключеній, вслѣдствіе примѣненія одной формы къ другой: иногда передъ мягкими согласными—*ѣ* является въ видѣ ia, нпр. къ biały можно образовать множ. ч. biali; и бываютъ случаи появленія *ѣ* въ видѣ *e* передъ твердыми зубными: dzieło дѣло [которое имѣетъ разновидность działo —„пушка", подобно тому какъ рус.—орудіе, означавшее въ древности „дѣло", теперь= „пушка"; działo въ смыслѣ „дѣло", читается въ псалтыри XIV в., Маргаритиной (по мнимой владѣлицѣ его королевѣ Маргаритѣ) или Флоріанской (по монастырю Св. Флоріана въ Верхней Австріи)]. Подобное же *e* вм. *ѣ* передъ твердымъ звукомъ представляетъ слово bieda съ варьянтомъ biada, powiedać рядомъ съ powiadać, cena—цѣна. Появленіе *ie* вм. ia отчасти объясняется вліяніемъ Чешскаго языка на Старопольскій, иной разъ, можетъ быть, слово подвергалось вліянію другихъ словъ; такъ прилагат. biedny могло породить существ. bieda; въ словѣ же cena—звукъ *c* должно быть отвердѣлъ раньше перехода *ѣ* въ *ia*, а условіемъ такого расширенія, кромѣ твердости слѣдующаго согласнаго, повидимому, надо считать еще и мягкость предшествующаго. Какъ же представить себѣ преемство между польскими ie и ia изъ основного ѣ? Кажется, слѣдуетъ думать, что въ Польскомъ языкѣ первоначально было ä (*e* широкое, близкое къ *a*) вм. *ѣ*; это *ä* передъ мягкими согласными суживалось въ *e*; а передъ твердыми зубными расширялось и переходило въ *ia*. Мысль, что польское ia не можетъ быть основною замѣною ѣ принадлежитъ Алдр. Аѳ. Потебнѣ, который указалъ на то, что, еслибы въ Польскомъ проис-

ходило суженіе *ia* въ *ie*, то онъ сузилъ бы и основное ja; во-вторыхъ, въ исходѣ словъ, гдѣ нѣтъ никакого вліяющаго согласнаго, мы находимъ *e*: ręce=ръцѣ; we śnie=въ сънѣ; сюда слѣдуетъ еще прибавить замѣчаніе Бодуэна-де-Куртенэ, что въ старинномъ языкѣ иногда является *e*, гдѣ позднѣе видимъ ia: powieda, miera, sieno, biełу; вѣроятно, это написаніе выражаетъ *e* широкое.

Ж и Ѧ. Юсы въ Польскомъ языкѣ сохранили свой носовой характеръ: самое раскрытіе первоначальнаго значенія юсовъ большого и малаго Востоковымъ было основано на сравненіи Староцерковнаго языка съ Польскимъ. Мы имѣемъ въ Польскомъ тѣ же носовые *e* и *o*, на письмѣ ę и ą, что и въ Староцерковномъ; но представляя тѣ же носовые гласные, Польскій языкъ употребляетъ ихъ иначе: на мѣстѣ ж является и ą и ę: сждъ—sąd, род. sądu; сѧкъ—sęk, род. sęku. Въ одномъ и томъ-же корнѣ бываетъ колебаніе между ą и ę: мы только что видѣли первичное слово sąd сждъ, но производное отъ него сждии (судья) будетъ sędzia; пажкъ—pająk, но пажчина—pajęczyna (паутина); скжпын—skąpy, но сравнительная степень skępszy; ржка—ręka, а уменьшительное rączka. Указанное чередованіе замѣчается и въ склоненіи: одни падежи могутъ представлять ę, другіе—ą: ręka—rąk (род. мн.). Особенно часто у словъ ероваго склоненія односложный называникъ имѣетъ ą, а другіе, двусложные, падежи — ę: джбъ — dąb, род. dębu; мжжь—mąż, męża. Колебаніе между ą и ę, какъ показываетъ сравненіе Польскаго съ Чешскимъ и отчасти съ Сербскимъ, восходитъ къ болѣе раннему колебанію между долготою и краткостью; ą—предполагаетъ гласный элементъ долгій, ę—краткій. Какъ у Поляковъ ę съ ą, такъ у Чеховъ чередуются *u* съ *ou* (старочеш. ú: акутъ въ чешскомъ письмѣ служитъ знакомъ долготы): sąd= чеш. soud (стар. súd), sędzia—sudí, sęk—suk, męka мýка—muka, mąka мукá—mouka. Впрочемъ въ Чешскомъ мы не видимъ колебанія между *u* и *ú* въ склоненіи: по-польски dąb, при род. dębu, а по-чешски dub, dubu. Ą и ę никогда не начинаютъ слова, и начальный ж принимаетъ призвукъ w (и въ Староцерк. видимъ призвуки к и j, но ж нерѣдко стоитъ въ зачинѣ): жда—węda, жзъкын—wązki. Ę, соотвѣтствующее юсу широкому, никогда не бываетъ умягчительнымъ, хотя бы и предшествовали задненебные *g* или *k* (которые, какъ мы видѣли, бываютъ мягки передъ *e* про-

изшедшимъ изъ ъ): гѧсь—gęś, кѧсъ—kęs. Конечно, въ такихъ случаяхъ g и k не могутъ быть такъ тверды, какъ передъ широкими гласными: a, o и др., но они все-таки не мягкіе. Изъ закона неумягчительности ę исключеніе составляетъ причастіе gięty—гънѫтыи и неопредѣленное того-же глагола—giąć. Формы эти вторичныя; онѣ образовались по примѣру глаголовъ, имѣющихъ въ ко́рнѣ юсъ узкій: наст.—pnę, инф.—piąć, прич.—pięty=пьнѫ, пѧти, пѧтъ; żnę, żąć, żęty—*жьнѫ (въ староцерк. жьнѫ жьнѥши и т. д.), жѧти, жѧтъ; tnę, ciąć (рубить), cięty—тьнѫ тѧти, тѧтъ,—подъ вліяніемъ этихъ глаголовъ и къ настоящему gnę образовали giąć и gięty.—На приведенныхъ только что глаголахъ мы видѣли, что и узкому юсу соотвѣтствуютъ ę и ą; но что эти ę и ą *умягчительны*; отмѣтимъ еще нѣсколько примѣровъ, на которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ было бы видно чередованіе ię и ią и соотвѣтствіе его чешскому чередованію краткости съ долготой, сходное съ тѣмъ, которое мы отмѣтили у замѣнителей юса широкаго: пѧть—pięć—чеш. pět' (' и ˇ—знаки мягкости), пѧтыи—piąty—pátý, дѣтѧ—dziécię—dítě, *дѣтѧтько—dziecciątko, dět'átko. Исключеніе изъ закона умягчительности представляютъ тѣ случаи, когда юсу предшествуютъ шипящіе, которые сначала были мягки, а затѣмъ сдѣлались средними: część—чѧсть, вышеприведенный инфинитивъ żąć. Нѣчто въ родѣ исключенія замѣчается въ тѣхъ словахъ, гдѣ передъ ѧ стоитъ согласный j, нпр. ꙁаѩць—zając, zająca, чеш. zajíc, прилагат. ꙁаѩчии—zajęczy, чеш. zaječí, ѩꙁыкъ—język, чеш. jazyk, ѩдро—jądro, чеш. jádro; въ такихъ случаяхъ ę и ą, правда, имѣютъ передъ собой мягкій согласный (вѣдь j самъ по себѣ мягокъ), но *j* есть и въ староцерк., и са́мому юсу здѣсь соотвѣтствуютъ только ę и ą. Какимъ образомъ возникло чередованіе ą съ ę—это вопросъ невыясненный. Было высказано предположеніе (Потебней, Лецеевскимъ), что въ старѣйшую пору существовалъ всего одинъ носовой гласный, а именно *a* носовое, почему и употреблялся одинъ знакъ: ɸ, или *a* съ перечеркнутымъ кончикомъ, и только впослѣдствіи изобрѣли знаки ę и ą. Если это вѣрно, то нужно предположить, что праслав. ē и ō у Поляковъ слились въ одно носовое *a* (умягчительное, или неумягчительное), которое послѣ вторично развилось въ тѣ же ē и ō, но уже смотря по своей краткости или долготѣ. Носовой элементъ польскихъ юсовъ не у всѣхъ поляковъ звучитъ одинаково; онъ про-

износится различно по говорамъ и то болѣе, то менѣе приближается къ тому же элементу французскаго произношенія, но никогда не совпадаетъ съ нимъ. У Французовъ слышится настоящая пригнуска: произнося гласный, они сопровождаютъ его носовымъ резонансомъ (который происходитъ оттого, что ротовая полость при произношеніи гласнаго не разобщается съ носовой посредствомъ поднятіи нёбной занавѣски—что̀ необходимо для образованія чистаго гласнаго): bon, honte, oncle, bombe=bō̃, ō̃t, ō̃kl, bō̃b. По-французски положеніе носового гласнаго почти не вліяетъ на него: въ только что приведенныхъ примѣрахъ повсюду одно и тоже ō̃, развѣ съ ничтожными оттѣнками; по-польски, напротивъ того, положеніе имѣетъ большое значеніе: гласный произносится съ пригнуской, а затѣмъ слышится еще почти полный носовой согласный, съ окраской отъ послѣдующаго согласнаго, нпр. kąt уголъ (областное кутъ) произносится какъ kō̃nt; передъ губными носовой элементъ близокъ къ m: tępy=tē̃mpy; передъ задненебными k, g, ch—къ *n* adulterinum, т. е. къ латинскому *n* передъ g, k: anguis, uncus, къ греческому звуку въ подобныхъ соединеніяхъ, который изображается буквою γ: ἄγγελος, ὄγκος, ἔγχος, къ нѣмецкому ng: lange долго и къ *n* въ соединеніи *nk*, нпр. denken думать: ręka=rē̃nka, mąka=mō̃nka, tęgi=tē̃ngi. Въ исходѣ носовой элементъ обыкновенно изчезаетъ: mogę произносится moge, mogą могутъ—mogo; но онъ слышится въ односложныхъ словахъ: są (сѫть)=sō̃. Теряется носовой элементъ еще передъ *л* и *м*, нпр. **вѧзалъ**—wziął произносится взёл, **вѧзала**—wzięła произносится взе́ла: первоначально, очевидно, эти формы произносились съ носовымъ элементомъ, что̀ подтверждается народнымъ выговоромъ ихъ wzión, wziena; ąm и ęm встрѣчаются въ такихъ соединеніяхъ, какъ głowęm stracił (въ староцерк. переложеніи **главѫ ѥсмь истратилъ**)—произносятъ: głowem.

Є. Судьба є въ Польскомъ сходна съ судьбою его въ Русскомъ. Во первыхъ оно умягчительно: **ведеши**—wiedziesz, **небо**—niebo. Умягчительностью исконное є отличается отъ є изъ ъ, но совпадаетъ съ прояснившимся ь и ,съ ѣ, однако оно разнится отъ нихъ передъ твердыми зубными и передъ *r*: *е* исконное подвергается здѣсь расширенію въ *о*, конечно съ сохраненіемъ мягкости предыдущаго согласнаго: **ведѫ**—wiodę, **село**—sioło, **жена**—żona. Это

вторая черта сходства съ Русскимъ языкомъ. Разница однако въ томъ, что 1) у насъ непремѣннымъ условіемъ расширенія *е* является ударяемость (такъ въ южновеликорусскомъ и литературномъ произношеніи), а Поляки говорятъ żołądek, miodowy, ciosany; 2) по-польски прояснившійся ь не подвергается расширенію, нпр.: пьсъ, по-русски пёс, а по-польски pies, почьтъ—почёт и poczet (число); 3) по-русски расширеніе происходитъ не только передъ твердыми зубными, но передъ всякимъ твердымъ согласнымъ: тёплый, по-польски ciepły, утёк—uciekł. Отъ основного звукового закона встрѣчаются и уклоненія. Появляется вторичное расширеніе, гдѣ его не должно бы быть: мы видимъ слова—poziom (почва), poziomka (земляника), къ дьнь—dzień уменьшит. есть dzionek. Иногда изъ *ѣ* выходитъ io вм. ia: pieśń образуетъ уменьшит. piosnka или piosenka. Срав. русскій выговоръ—звёзды, гнёзда вм. звѣзды, гнѣзда.

Кромѣ расширенія, звукъ *е* способенъ къ сжатію или наклоненію (ścieśnienie, pochylenie): исконное е и ѣ приближаются къ i, или переходятъ въ i. Подобнымъ же образомъ *a* сближается съ *o*, *o* переходитъ въ u. Письменнымъ знакомъ сжатія служитъ акутъ, т. е. пишутъ é, ó, á. Отмѣтимъ, что знакъ *é* употребляется довольно непослѣдовательно; отчасти это дѣло правописанія (не всегда обозначаютъ сжатіе), отчасти здѣсь сказываются діалектическія особенности. Наклоненію, какъ уже сказано, подвергается *е*, соотвѣтствующее основному *е*, или происшедшее изъ *ѣ*. Такимъ образомъ имѣемъ é въ piérze=перие изъ е, въ dziécię=дѣтѧ—изъ ѣ. Какъ существуетъ колебаніе между двумя замѣнами юсовъ, т. е. какъ чередуются ą и ę, такъ чередуются *é* и *е*, ó и o: chléb, род. chleba, Bóg, род. Boga. Сжатіе происходитъ обыкновенно въ замкнутыхъ слогахъ, т. е. кончающихся на согласный—chléb, piérze (ближайшимъ образомъ изъ *perje). Это условіе повторяется и въ другихъ языкахъ при явленіи, соотвѣтствующемъ польскому наклоненію,—въ Чешскомъ, Сербскомъ, Лужицкомъ, и въ нарѣчіи Малорусскомъ (въ послѣднемъ *о* и *е* въ замкнутыхъ слогахъ дали i: піп—попá, піч—пéчи). Кромѣ замкнутости слога, условіемъ сжатія у Поляковъ является еще голосовость (звонкость) слѣдующаго согласнаго (звонкіе или голосовые согласные, это—b, g, d, z, ż, w, а также слѣдующіе не-

имѣющіе соотвѣтственныхъ глухихъ или безголосныхъ: l, ł, r и j *): gród, род. grobu могила, ród—rodu, wóz—wozu, rów—rowu, wódka, nóżka; sól—soli, wół—wołu, dwór—dworu, dwójka, zdrój—zdroju (староцерк. изрои истеченіе—корень ри: ринѫти, рѣꙗти; развитіе д между з и р извѣстно и Староцерк., нпр. издринѫти, раздрѣшити рядомъ съ изринѫти, разрѣшити). Вм. голосовыхъ b, d и т. д. точнѣе было бы говорить о первоначально-голосовыхъ, т. к. въ большинствѣ случаевъ эти звуки, находясь въ исходѣ или же передъ безголосными, и сами обезголосились, сохранившись лишь на письмѣ. Въ видѣ исключенія 1) нѣкоторыя слова представляютъ сжатіе передъ безголосными—таковы глагольныя формы rósł росъ, móc мочь, мошти (пишутъ обыкновенно módz, но это ошибочно), 2) встрѣчается сжатіе въ открытыхъ слогахъ, нпр. góra, król-króla. Еще нужно замѣтить, что ó (вѣроятно путемъ подражанія) является и вмѣсто вторичнаго *o*, представляющаго плодъ расширенія *e*: trzoda, стадо (=малорус. череда, стрц. чрѣда), род. мн.—trzód, какъ отъ noga—nóg; żółw (черепаха)—основная форма жьлъвь (древнѣйшая форма жьлы, род. жьлъве); miód при род. miodu.

Сжатіе *a*, при которомъ оно приближается къ *o*, составляетъ достояніе языка стариннаго и языка народнаго, поэтому и буква *á* не принадлежитъ къ обыкновенной польской графикѣ: szklánka (стклянка), piekárz (пекарь); wołá (онъ) кричитъ—примѣръ сжатія въ открытомъ слогѣ, причину котораго слѣдуетъ видѣть въ возникшей путемъ стяженія долготѣ: wołá произошло изъ первоначальнаго *волаѥть.

Сжатіе не въ иныхъ только случаяхъ, но и вообще есть слѣдъ долготы: это ясно изъ сравненія съ языками Чешскимъ и Сербскимъ, гдѣ мы находимъ напримѣръ выговоръ Bůh, Бôг, лêд съ долгими гласными, при косвенныхъ падежахъ Boha, Бога, леда—съ краткими. Возможно однако, что у Поляковъ протяженіе рано вызвало качественное измѣненіе гласнаго и само утратилось, и что въ Польскомъ языкѣ издавна не было долгихъ гласныхъ. Мы имѣемъ, правда, свидѣтельство первыхъ польскихъ

---

*) Таковы еще носовые m и n, но тѣ отчасти составляютъ исключеніе: *e* и *o* передъ ними въ настоящее время не бываютъ сжатыми.

грамматиковъ, Паркоша (XV в.) и Заборовскаго (XVI в.), о существованіи въ старину долгихъ гласныхъ. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и удвоеніе гласныхъ буквъ въ письмѣ XIV в., написанія въ родѣ paan, Boog, brzeeg (brzég). Въ виду этого допускаютъ существованіе долгихъ гласныхъ въ Старопольскомъ и новѣйшіе грамматисты: Бодуэнъ-де-Куртенэ, Малиновскій, Малъэцкій. Противъ указанныхъ взглядовъ выступилъ Антонъ Семеновичъ („О мнимомъ количествѣ гласныхъ въ Старопольскомъ": Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen); онъ указываетъ на то, что Заборовскій говоритъ не о своемъ времени, а Паркошъ имѣетъ смутное понятіе о долготѣ, и его долгіе гласные можно считать наклоненными. Однако на возраженіе Семеновича основательно замѣчаетъ Миклошичъ („О долгихъ гласныхъ въ Славянскихъ языкахъ": Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen), что, въ виду соотвѣтствія другихъ языковъ, польское сжатіе есть несомнѣнный слѣдъ долготы, хотя бы и утраченной весьма рано. Чтобы покончить со „сжатіемъ", слѣдуетъ упомянуть еще объ одной графической особенности, которая, при чтеніи старопольскихъ изданій, можетъ повести къ ошибкамъ; а именно: въ старину сжатое *a* обозначалось не акутомъ, а отсутствіемъ акута, такъ что *á* равнялось *a* чистому, и *a*—*a* наклоненному, напр.: старое написаніе pan=теперешнему pán. Еще нужно замѣтить, что, хотя въ настоящее время *ó* произносится какъ *u*, но надо думать, что ō не сразу получило такое произношеніе, а что сначала появилось среднее между o и u—*o* узкое (нѣм. *o* въ roth, франц. *o* въ *eau*).

I и y. Отношеніе этихъ звуковъ къ стариннымъ и и ы въ Польскомъ то же, что и въ Великорусскомъ, т. е. вообще и и ы сохраняются. Впрочемъ, польскіе ы не такъ широки, какъ русскіе, а нѣсколько ближе къ i. Случаи измѣненія основныхъ и и ы у Поляковъ почти тѣ же, что̀ и у Русскихъ. Такъ задненебные g и k соединяются съ i, а не съ y, и староцерковные и праславянскіе слоги гы и кы перешли въ gi и ki: кыи—kij (палка), ręka, род. ręki вм. ржкы; ginąć гыньнти. Не параллельно съ г и к идетъ *x*: первоначальное хы является въ видѣ средняго (довольно твердаго) слога, который пишется chy, нпр. chylić (наклонять), chyba (ошибка), muchy (мухи). Если ы въ соединеніи съ задненебными дали i, то съ другой стороны, i послѣ шипящихъ и послѣ *ц* расширя-

лось и сблизилось съ ы: żywot жизнь, szydło шило, cyfra—и мы произносимъ *жывотъ*, *шыло* и лишь на письмѣ сохраняемъ букву *и* (послѣ *ц* нерѣдко даже пишутся ы); czysty, szczyt—и у насъ въ слогахъ *чи*, *щи* широкое *і*, смахивающее на ы. Еще замѣтимъ, что і, не имѣя на себѣ ударенія, нерѣдко становится безсложнымъ, сливаясь съ предшествующимъ гласнымъ въ дифтонгъ и оставляя мягкость на согласномъ: kupuj=коупоуи (покупай); stań (стани), być (быти). Явленія эти повторяются болѣе-менѣе во всѣхъ новославянскихъ языкахъ. Особенностью Польскаго языка представляется превращеніе слоговъ ir и yr въ er: sierota, umierać, pożerać, ser; встарь было еще sirota, umirać, pożyrać, syr. Срв. также выше, стр. 3, внизу.

Согласные. Смягченіе мгновенныхъ зубныхъ t и d, т. е. превращеніе дославянскихъ сочетаній tj и dj, въ Польскомъ языкѣ даетъ свистящіе c и dz: свѣт+ja звучитъ въ староцерк. свѣшта—въ польс. świéca; мед+ja—межда—miedza; летјж—лештж—lecę; видјж—виждж—widzę. Одинаково съ tj и dj измѣняются kt и gt (=kt, т. к. g передъ безголоснымъ t переходитъ въ безголосное k): пек+ти—пешти—piéc, мог+ти—мошти—móc (Срв. стр. 10).

Однако есть случаи, гдѣ d и t вмѣсто свистящихъ обращаются въ шипящіе, именно, когда имъ предшествуютъ звуки s и z: chłostać (сѣчь)—1 л. наст. chłoszczę—*щ*, а не *сц*; gwizdać (свистѣть)—gwiżdżę—*ждж*, а не *здз*. Эту странность можно объяснить тѣмъ, что основное смягченіе tj и dj давало *ц* и *дз* мягкія, которыя только впослѣдствіи отвердѣли; въ соединеніи съ s и z мягкость сохранялась, и ćц, źдз давали шч, ждж, а потомъ уже поотвердѣли. Изъ ц и дз легко объясняются замѣны tj и dj во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и потому ихъ можно считать праславянскими, трудно только объяснить староцерковное и болгарское шт.

Смягченіе губныхъ. Губные смягчаются непосредственно: ziemia при стрцрк. земли, grabie, по-рус. грабли, żóraw, -wia—журавль, -вля. Есть однако слова czapla цапля, grobla плотина, niemowlę младенецъ и нѣкот. др., въ коихъ, если они дѣйствительно представляютъ іотовыя наставки -ja, -ję, произошло элевое смягченіе губныхъ. Можно бы видѣть здѣсь архаизмы, а въ другихъ случаяхъ говорить объ утратѣ звука l, отчасти фонетически—уменьшительное grabki изъ *grablki, называникъ żóraw изъ

*żórawl, отчасти—путемъ подражанія; но это вполнѣ удобно лишь у глаголовъ, гдѣ единичныя люблю, любленъ, ловлю, ловленъ, кръмлю, кръмленъ (польскія lubię, lubiony, łowić, łowiony, karmić, karmiony) находились подъ давленіемъ всѣхъ остальныхъ формъ,—въ добавокъ нельзя не смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что слово kropla капля именно въ старѣйшихъ псалтыряхъ является въ видѣ kropie (множ. ч.) .

Въ Польскомъ, какъ и въ Русскомъ, сильно развита мягкость и твердость: бóльшая часть согласныхъ можетъ быть и мягкими и твердыми и умягчается передъ всѣми узкими гласными, преемниками праславянскихъ *е*, *и*, *ѣ*, *ѧ* и *ь*. Замѣтимъ однако слѣдующее: губные b, p, w, m не бываютъ мягкими въ изглашеніи: żółw (w среднее, такъ что мягкость даже на письмѣ обыкновенно не обозначается), род. żółwia. Не бываетъ мягкимъ звукъ ch, хотя передъ узкими гласными онъ нѣсколько мягче, чѣмъ передъ широкими. Можно отрицать также мягкость звуковъ s, z, c, dz, ибо, будучи мягкими, они приближаются къ шипящимъ. Вовсе не бываютъ мягкими *t* и *d*, ибо *t'* и *d'* подверглись вторичному измѣненію и превратились въ *ć* и *dź*: ciasto—тѣсто, dziad—дѣдъ. Такимъ образомъ *ć* и *dź* соотвѣтствуютъ русскимъ мягкимъ *t* и *d*, т. е. *t* и *d* передъ узкими гласными. (У Бѣлоруссовъ, какъ и у Поляковъ, *т'* и *д'* перешли въ *ц'* и *дз'*: цѣсто, дзѣдъ). Отъ *ć* и *dź* слѣдуетъ отличать *c* и *dz* твердыя, которыя восходятъ къ праслав. *ц* и *дз* (дославян. *k* и *g*), или равняются смягченію *t* и *d*, т. е. восходятъ къ прасл. *tj* и *dj*. Не бываетъ мягкимъ и звукъ *r*: мягкій *r* получилъ шепелявый выговоръ—*рж*, который въ современномъ языкѣ упростился въ *ж* (являясь иногда и въ видѣ безголоснаго *ш*) и притомъ отвердѣлъ. Примѣры на rz см. на стр. 2. Въ старину, а отчасти въ народныхъ говорахъ мы находимъ rz (*рж*, *рш*) съ болѣе-менѣе явственнымъ r (какъ у Чеховъ). Обратимъ здѣсь вниманіе на соединенія śrz, źrz, замѣняемыя посредствомъ śr и źr: środni, środa или śrzoda середа, źrenica или źrzenica.

Нѣкоторыя особенности въ сочетаніи звуковъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить огласовку плавно-чистыхъ созвучій (соединеній плавныхъ r и l съ чистыми гласными), т. е. тѣхъ, гдѣ по-русски замѣчается полногласіе. Плавно-чистыя созвучія, которыя въ Рус. являются въ видѣ *оро*, *оло*, въ Стрцрк. *ра*, *ла*, по-польски представ-

ляютъ го, ło: broda вм. брада, głowa вм. глава. Такое *о* является иногда и во вторичномъ видѣ, какъ *и*: król—король. Когда въ Староцерк. мы имѣемъ рѣ, лѣ послѣ согласныхъ, а по-русски *ере* и *еле* (или *оло*), тогда по-польски замѣчается одно *е* позади плавнаго: rze, le. Правда, во многихъ случаяхъ (нпр. brzeg, drzewo, strzec стеречь, mlewo мелево, mléc молоть, mléko) не видно, произошло ли польск. *е* изъ є, или изъ ѣ; но гдѣ старинное различіе сказывается благодаря расширенію, тамъ мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ исконнымъ *е*: береза—brzoza (не brzaza, что указывало бы на ѣ), плѣнъ (рус. полонъ: плѣнъ—церковнославянское)—plon (добыча, урожай), трѣнъ (черенокъ)—trzon. Какъ Русскій языкъ вмѣсто староцерк. лѣ представляетъ не только *еле*, но также (притомъ чаще): *оло*, такъ и по-польски, рядомъ съ le и вторичной замѣной его lo, является ło (со вторичнымъ измѣненіемъ łó), примѣрами чего могутъ служить слова жлѣбъ—жолобъ—żłób, р. żłobu; молокососъ—młokos.

Еще остановимся на нѣкоторыхъ случаяхъ упрощенія мягкихъ согласныхъ. Эти звуки въ иныхъ соединеніяхъ могутъ упрощаться въ j, который они въ себѣ содержатъ; именно j является передъ *c*, *cз*, *sk*, вм. ć, dź, ś, ź: къ слову ociec (отьць), род. ojca изъ oćca=отьца,—форма ojca повліяла и на имен. и измѣнило его въ ojciec; zdrajca (предатель)=*издрадьца (корень—rad: rada совѣтъ, срв. нѣм. Verräther) изъ zdradźca; wieś=вьсь (деревня), а прилаг. вьсьскыи—wiejski вм. wieśski. Такое упрощеніе произошло и передъ rz (очевидно въ то время, когда это былъ еще сложный звукъ *рж*, а не простое *ж*), нпр. оузьрѣти дало ujrzeć изъ uźrzeć.

Объ удареніи. Удареніе въ Польскомъ языкѣ всегда падаетъ на второй слогъ съ конца; dolina, твор. множ. dolinàmi, położyć—элевое причастіе położył, женскій родъ położyła, kąkol (куколь, сорная трава), род. kąkòlu. За одно цѣлое съ существительными считаются предлоги, такъ что на нихъ переносится удареніе односложныхъ существительныхъ (однако не всегда). Примѣры: dò nóg (къ ногамъ), wè śnie (во снѣ), но nà wsi и на wsì (въ деревнѣ, на дачѣ), dla żon, do nóg kochanki. Кромѣ подобныхъ полуисключеній встрѣчаются и дѣйствительныя исключенія: слова съ удареніемъ на третьемъ слогѣ съ конца: okòlica при okolìca, rzeczpospòlita при rzeczpospolìta; ògułem при ogùłem. Далѣе удареніе на третьемъ слогѣ имѣютъ заимствованныя изъ Латинскаго слова на ia,

ium, по-польски на ia, ya, ium, yum, нпр. Emilia, Grècya, gimnàzyum; впрочемъ, нерѣдко подводятъ эти слова подъ общее правило, дѣлая окончанія ихъ односложными: Emilja, Grècja, gimnàzjum, а простой народъ произноситъ (какъ произносили и въ старину, что видно по рифмамъ старинныхъ поэтовъ): Emilija, Grecyja. И на счетъ правописанія такихъ словъ замѣчается разногласіе: одни пишутъ въ нихъ i, y, другіе—j, третьи ij, yj. Еще одно исключеніе (которое, пожалуй, не есть настоящее исключеніе) мы увидимъ въ морфологіи, при разсмотрѣніи глагольныхъ формъ.

Морфологія.

Склоненіе. Подобно большинству новославянскихъ языковъ польскій утратилъ двойственное число, отъ котораго сохранились лишь отдѣльныя формы, которыя уже не имѣютъ соотвѣтственнаго значенія, а идутъ за множественное ч.: oczy, твор. п. oczyma; въ народной рѣчи нерѣдко встрѣчается тв. мн. на *oma*: lasoma. Какъ слѣдъ дв. ч. можно указать поговорку Mądréj głowie dość dwie słowie (умной головѣ довольно двухъ словъ, умный сразу пойметъ), которую впрочемъ уже стали измѣнять, говоря na słowie. Дв. ч. употреблялось еще въ XVI и XVII вв., хотя уже тогда не выдерживалось строго: у Кохановскаго встрѣчаемъ нпр. z gołemi rękoma.

Еровое склоненіе.

Чтобы представить всѣ особенности ероваго склоненія, возьмемъ нѣсколько образцовъ: chłop для одушевленныхъ предметовъ твердаго различія, dąb—для неодушевленныхъ того-же различія, król—для одушевленныхъ мягкаго различія и kąkol—для неодушевленныхъ этого различія. Не всегда однако нужно будетъ образовывать всѣ падежи отъ этихъ словъ, потому что мягкое и твердое различія во многихъ падежахъ не расходятся уже въ Староцерковномъ, а новые языки еще болѣе сгладили различія, примѣняя ихъ другъ къ другу; разница же между одушевленными и неодушевленными (иногда вмѣсто того между личными и неличными) сказывается лишь въ немногихъ падежахъ. Она попадается намъ прежде всего въ *родномъ падежѣ*: одушевленныя имѣютъ *a*: chłopa, króla, неодушевленныя—зашедшее сюда изъ уковаго сконенія *u*: dębu, ką-

kolu. Изъ этого правила есть однако цѣлый рядъ исключеній. Правда, одушевленныя строго выдерживаютъ *a*, и чуть ли не единственнымъ исключеніемъ является слово wół, род. wołu, которое помнитъ свое древнее склоненіе. Но очень много исключеній изъ второй части правила: много неодушевл. имѣютъ *a*: chléb, chleba; syr (ser), syra; młyn мельница, młyna; kościoł, kościoła; krzyż (крестъ), krzyża; miesiąc, miesiąca и др. Иныя слова колеблются между этими двумя окончаніями: las, lasa и -u; dwór, dwora и -u; stół, stoła и -u. Окончаніе u распространилось съ теченіемъ времени на счетъ *a*; въ старинномъ языкѣ нерѣдко видимъ *a* тамъ, гдѣ впослѣдствіи обязательно u: lud, luda, теперь ludu, naród, naroda, имѣющее и теперь *a* въ выраженіи co tu naroda (сколько тутъ народу); post, posta. Особенно много исключеній изъ нашего правила представляютъ слова мягкаго различія: здѣсь, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, указываютъ нѣсколько окончаній, принимающихъ въ род. *a*, таковы: arz, erz, eń, el, ec—вообще въ этомъ различіи исключеній столько, что они чуть ли не перевѣшиваютъ правило, которое оказывается такимъ образомъ справедливымъ только для твердаго различія. Чешскій языкъ, раздѣляя особенность польскаго относительно твердаго различія, въ мягкомъ постоянно употребляетъ *e*: нпр. koukol, koukole; kůň, koně (*e* послѣ мягкихъ согласныхъ получилось изъ *a*). Неравномѣрность употребленія окончанія u находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что непосредственное вліяніе уковыхъ основъ могло быть только на твердое различіе.

Давальный п. Въ этомъ падежѣ окончаніе уковаго склоненія, owi, получило большое распространеніе и сдѣлалось обыкновеннымъ окончаніемъ: dębowi, królowi. Давальникъ на u уже составляетъ исключеніе: его чаще другихъ образуютъ слова односложныя, нпр. bogu, bratu, kwiatu, wiatru, chlebu. У нѣкоторыхъ словъ замѣчается колебаніе; такъ нпр. отъ слова kąt (уголъ) будетъ kątu и kątowi, отъ lew—lwu и lwowi.—Вниманія заслуживаетъ еще то̀, что въ мягкомъ различіи мы имѣемъ то-же owi, вм. требуемаго праславянской фонетикой ewi—въ Староцерк. коневи, цѣсареви. *O* не могло фонетически получиться изъ *e*, т. к. слѣдующій звукъ мягкій, а въ добавокъ изъ числа тѣхъ, передъ коими вообще не происходитъ расширенія. Въ старину иногда встрѣчается и ewi, нпр. królewi, однако и тогда уже owi преобладаетъ.

Винильный пад. Здѣсь, какъ и по-русски, проводится различіе между одушевленными и неодушевленными: у вторыхъ вин. п.= назывному, а у первыхъ рóдному. Въ старинномъ языкѣ винильникъ равный назывнику встрѣчается иногда и у одушевленныхъ, нпр. wierzę w bóg otca, żałował na Adama o wół (онъ жаловался на Адама изъ-за вола). Въ настоящее время эта форма сохранилась въ нѣсколькихъ нарѣчныхъ выраженіяхъ, нпр. iść zà mąż, żyć brat zà brat (жить душа въ душу), przebóg, pze żywy Bóg (ради Бога). Такой винильникъ употребляется и тогда, когда имя святого служитъ для обозначенія его праздника, нпр. na święty Michał, въ Михайловъ день (но и na świętego Michała). Иногда Поляки, подобно Русскимъ, дѣлаютъ отступленія въ другую сторону, т. е. придаютъ неодушевленнымъ окончаніе *а*. По-русски найти гриба, по-польски znaleść grzyba; по-русски плясать трепака, по-польски tańczyć menueta; также grać tuza (ходить съ туза). Впрочемъ, иные изъ этихъ случаевъ представляютъ, вѣроятно, не винильный, а родный падежъ.

Зовный п. Въ этомъ падежѣ отражаются обычныя староцерк. окончанія, т. е. є въ твердомъ, и оу въ мягкомъ различіи, нпр. chłopie!, dębie!, królu!, kąkolu! Сохраняются и старыя формы со смягченіемъ: boże!, ojcze! Однако замѣчается стремленіе уклониться отъ смягченія, для чего пользуются заимствованнымъ изъ мягкаго различія окончаніемъ u, и образуютъ нпр. отъ слова szpak (скворецъ)—szpaku!, отъ szpieg (шпіонъ)—szpiegu!, отъ śmiech—śmiechu! U является и послѣ другихъ согласныхъ, нпр. synu! Правда, въ этомъ словѣ отражается его древняя принадлежность къ уковому склоненію, но u встрѣчается и въ новотворкахъ, нпр. ludu! и dziadu!, рядомъ съ dziadzie! Относительно двухъ послѣднихъ формъ грамматики утверждаютъ, что первая значитъ дѣдушка, а вторая—нищій. Врядъ ли это не выдумка. Впрочемъ, нѣкоторое основаніе для такого утвержденія можно видѣть въ томъ, что dziadzie форма архаическая и потому болѣе торжественная, такъ что къ нищему ея, вѣроятно, не примѣнятъ. Что касается формы ludu, то для ея возникновенія есть особая причина: образованное по обыкновенному способу ludzie! совпало бы съ назывнымъ и зовнымъ мн. ч. къ слову człowiek, которое, какъ и по-русски, само не образуетъ мн. ч.

Творный п. представляетъ окончаніе em, нпр. chłopem, królem. Въ этомъ окончаніи отражается староцерк. ъмь и ьмь.

Мѣстный п. совпадаетъ болѣе или менѣе съ зовнымъ, т. к. имѣетъ окончаніе *e* изъ древняго ѣ и перенесенное сюда изъ уковаго склоненія u, которое употребляется въ мягкомъ различіи и у словъ на k, g, ch, нпр. na dębie, w kąkolu, w znaku, w bogu, w duchu. Старинный языкъ послѣ задненебныхъ представляетъ еще и наставку *e*, передъ которою k, g, ch измѣнялись въ c, dz, sz, нпр. w język, w bodze, w dusze. Оконч. u въ мягкомъ различіи употребляется издавна: уже въ старѣйшихъ памятникахъ нѣтъ органическаго i, за исключеніемъ одного примѣра въ Маргаритиной (Флоріанской) псалтыри: na stolcy отъ слова stolec (сѣдалище), да и этотъ примѣръ можно признать чехизмомъ. Въ мѣстномъ и совпадающемъ съ нимъ зовномъ падежѣ заслуживаетъ вниманія одно звуковое явленіе: т. к. здѣсь является мягкое окончаніе, то согласные твердые въ другихъ падежахъ оказываются мягкими, и передъ ними не происходитъ расширенія предшествующихъ имъ є и ѣ, нпр. anioł ангелъ представляетъ зовн. и мѣстн. aniele, las образуетъ lesie, świat—świecie. Однако изъ этого закона есть значительное число исключеній, такъ отъ lód, lodu—na lodzie, отъ strzał (выстрѣлъ)—w strzale; *o* и *a* въ эти формы зашли изъ другихъ падежей: срав. русскій выговоръ о клёнѣ, въ полётѣ, на берёзѣ. Нерѣдко замѣчается колебаніе, при чемъ обыкновенно преобладаютъ перепначенныя формы, нпр. Piotr—Pietrze, но чаще Piotrze, dział (часть)—dziele, но обыкновенно dziale. Вторичная огласовка встрѣчается уже въ старопольскомъ, хотя тамъ нерѣдко сохраняются утраченныя теперь самородныя формы na ledzie, w miedzie (теперь w miodzie).

Множинный назывникъ. Въ этомъ падежѣ является различіе между именами личными и неличными—говорятъ про окончанія „личныя“ и „вещевыя“ (при чемъ однако къ предметамъ отнесены и животныя). Личныя имена сохранили древнее окончаніе назывнаго падежа, неличныя придали ему окончаніе древняго винильника.—Окончаніе именъ личныхъ твердаго различія есть i= основн. и староцерк. и, окончаніе вещевое y=осн. ы. Мы имѣемъ назывники chłopi, но dęby, sępy, orły (orzeł). Понятно, что, по изложеннымъ выше звуковымъ законамъ, мы иногда находимъ древніе

ы въ видѣ i, нпр. wilki, а съ другой стороны—и въ видѣ y, напр. отъ слова urzędnik (звуковой переводъ есть урядникъ, логическій—чиновникъ)—urzędnicy, отъ слова piwowar—piwowarzy. Передъ окончаніемъ i, разумѣется, должны происходить измѣненія не только задненебныхъ и г, но также t и d, напр. student—studenci, żyd—żydzi. Относительно слова mnich—mnisi слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь древнее на первый взглядъ si произошло изъ szy: постаропольски было mniszy, и лишь впослѣдствіи на мѣсто y подставили обыкновенное личное окончаніе i, при чемъ sz перешло въ ś *). Во множинномъ назывникѣ, при его мягкомъ окончаніи, естественно, должно было появиться такое же колебаніе въ огласовкѣ, какое мы видѣли въ нѣкоторыхъ одинныхъ падежахъ, нпр. отъ слова anioł мы имѣемъ anieli.—Еще весьма обычно въ разсматриваемомъ падежѣ окончаніе owie, которое идетъ изъ уковаго склоненія, нпр. pan—panowie. Это окончаніе сопряжено съ оттѣнкомъ уваженія и торжественности. (Однако, оно иногда, особенно въ старину, является и помимо такого оттѣнка). Въ мягкомъ различіи мы имѣемъ тоже owie (вм. ewie: только въ старину изрѣдка встрѣчается и это окончаніе), нпр. król—królowie; очевидно мягкое различіе позаимствовалось у твердаго. Обыкновенное же окончаніе мягкаго различія есть *e*, которое употребляется и у личныхъ, и у неличныхъ именъ, нпр. uczeń (ученикъ)—uczniе (и uczniowie), złodziej (воръ)—złodzieje, rycerz (рыцарь)—rycerze, koń—konie, tchórz (хорекъ, трусъ)—tchórze, ul (улей)—ule, pacierz (отче нашъ)—pacierze. Форму на *e* считаютъ замѣнившимъ назывникъ винильникомъ, отожествляя польское konie со староцерк. конѧ. Противъ этого можно представить слѣдующее возраженіе: конечная пригнуска, хотя и теряется въ обыкновенной рѣчи, но сохраняется на письмѣ и въ областной рѣчи, а мы находимъ вездѣ простое *e*, которое нельзя отожествлять со староцерк. ѧ. Тутъ можно сослаться на вліяніе древнихъ назывниковъ на *e*, т. е. такихъ формъ, какъ граждане и лятнѥ. Есть и другое объясненіе, по которому въ основномъ славянскомъ языкѣ рядомъ съ формой конѧ существовала иная форма, конѣ, чуждая староцерк. яз., но весьма обычная въ старорусскомъ. У

---

*) Слово это въ настоящее время устарѣло, и въ значеніи монахъ употребляется слово zakonnik, отъ слова zakon—орденъ.

нѣкоторыхъ личныхъ *e* идетъ изъ старины, а именно, у словъ на -ciel (przyjaciel—przyjaciele, nauczyciel учитель—nauczyciele): оно соотвѣтствуетъ староцерк. є, ніє: оучитєлє, -тєлиє. Оконч. *e* является также въ твердомъ различіи, у словъ съ наставкою -анинъ (-янинъ, -инин), нпр. mieszczanin (отъ слова miasto—городъ) горожанинъ—mieszczanie, rzymianin римлянинъ—rzymianie.

Кромѣ указанныхъ уже случаевъ совпаденія личнаго окончанія съ вещевымъ, есть и другіе случаи, гдѣ двойственность не выдержана. Мы видимъ, что названія животныхъ принимаютъ иногда личную форму, нпр. wilk вм. wilki имѣетъ и wilcy, orzeł вм. обыкновеннаго orły—orłowie. Въ старинномъ языкѣ это особенно часто, такъ что даже слѣдуетъ различать не между именами личными и неличными, а между одушевленными и неодушевленными.—Съ другой стороны бываютъ случаи, когда личныя имена принимаютъ вещевую форму: такъ отъ слова polak образуется polacy, но встрѣчается и polaki. Грамматики говорятъ, что съ употребленіемъ неличной формы соединяется оттѣнокъ презрѣнія (приближеніе лица къ животному). Это не совсѣмъ справедливо, т. к. можно указать мѣста, гдѣ такого оттѣнка нѣтъ. Мицкевичъ, нпр., пишетъ szatan i anioły, противопоставляя дьяволу ангеловъ, какъ добрыя существа; онъ же пишетъ niech litewskie prowadzą was bogi (пусть провожаютъ васъ литовскіе боги).

Рядомъ съ разсмотрѣнными уже окончаніями, мы изрѣдка находимъ еще одно, которое весьма обычно въ Русскомъ языкѣ, а именно—*a*. Окончаніе это является у нѣкоторыхъ неличныхъ именъ, но никогда не господствуетъ исключительно; нпр. слово urząd (должность) образуетъ urzęda и urzędy, okręt (судно)—okręta и okręty, kamień—kamiona и kamienie (камєниє), jęczmień—jęczmiona и jęczmiony. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло у словъ cud и dziw, которыя имѣютъ cuda и dziwa, формы принадлежащія къ болѣе древнимъ cudo, dziwo; есть также cudy и dziwy. Окончаніе *a* принимаютъ еще нѣкоторыя слова заимствованныя изъ лат.: akt—akta, talent—talenta. Это просто латинскія формы: въ старину Поляки любили пестрить рѣчь латинскими словами и фразами. Иные думаютъ что urzęda, okręta и т. п. появились по образцу заимствованныхъ akta, talenta и т. д., но мнѣ это объясненіе представляется невѣроятнымъ.

Родный падежъ. Здѣсь, какъ и по-русски, господствуетъ окончаніе, заимствованное изъ уковаго склоненія, которое по-польской фонетикѣ звучитъ ów, нпр. panów, królów. Опять-таки въ мягкомъ различіи широкое окончаніе заимствовано изъ твердаго, и самородное ew встрѣчается только въ старину.

Въ соотвѣтствіе староцерковнымъ формамъ на ъ Польскій языкъ представляетъ нѣкоторые безсуффиксные рóдники; такъ отъ словъ на ianin: rzymianin, mieszczanin—rzymian, mieszczan. Безсуффиксные рóдники образуются также отъ названій народовъ, когда они во множинѣ употребляются для обозначенія странъ. Обозначая страну, эти слова въ назывникѣ принимаютъ неличныя окончанія, нпр. włoch (=старорус. волохъ, староцерк. влахъ) итальянецъ имѣетъ множинный назывникъ włosi—итальянцы и Włochy—Италія. Точно также отъ węgier венгерецъ—węgrzy и Węgry *). Рóдники же будутъ: włochów—итальянцевъ, но Włoch—Италіи, węgrów—венгерцевъ, но Węgier—Венгрія (нпр. do Włoch—въ Италію, do Węgier—въ Венгрію). Безсуффиксный рóдникъ сохранился и отъ слова czas, но только въ составѣ нарѣчія dotychczas до нынѣ, до тѣхъ поръ. Въ старину можно чаще встрѣтить безсуффиксные рóдники, но окончаніе ów издавна составляетъ правило.

Въ мягкомъ различіи вм. ów является также i (со звуковымъ варьянтомъ y). Это i идетъ изъ еревого или ижевого склоненія и= староцерк. ии, рус. ей: пятии, путей; такимъ образомъ i у нѣкоторыхъ словъ есть органическое, нпр. gość—gości, ludzie—ludzi, łokieć—łokci. (Въ старину также и łokiet: слѣдуетъ думать, что слово локъть первоначально имѣло основу на t и изъ согласнаго склоненія перешло сначала въ ижевое, а затѣмъ въ еровое). Это окончаніе встрѣчается и у словъ искони державшихся ероваго склоненія, нпр. отъ król можно образовать не только królów, но и króli=рус. королей, отъ pisarz писатель—pisarzów и pisarzy= рус. писарей.

Давальный пад. Въ этомъ падежѣ мы видимъ окончаніе om, нпр. chłopom, królom. Въ мягкомъ различіи om есть подража-

*) Однако, по сказанному выше, какъ вм. polacy можетъ употребляться polaki, такъ и вм. włosi, węgrzy—włochy, węgry.

тельная замѣна фонетическаго em. Впрочемъ, и въ твердомъ различіи возникаетъ затрудненіе: *о* въ закрытомъ слогѣ передъ голосовымъ согласнымъ должно было бы подвергнуться сжатію, и мы ожидали бы óm—chłopóm. Въ старопольскомъ мы дѣйствительно и видимъ въ такихъ случаяхъ наклоненіе. Кромѣ того, тамъ встрѣчается и окончаніе ám, перенесенное сюда изъ азóваго склоненія. Поэтому, кажется, для объясненія новопольскаго *о* приходится допустить, что между наклоненнымъ *о* и наклоненнымъ *a* состоялась сдѣлка, которая привела къ *о* чистому.

Винильный п. Объ этомъ падежѣ уже было сказано по поводу назывнаго, что у именъ неличныхъ его форма перенесена и на назывный п. Относительно же именъ личныхъ слѣдуетъ замѣтить, что у нихъ винильникъ, какъ и по-русски, равенъ рóднику, напр. król, вин. królów и króli, chłop—chłopów. Впрочемъ и личныя названія не вполнѣ утратили форму винильника, и употребляются еще chłopy, proroki, króle и т. д. Въ старинномъ языкѣ своеобразные винильники были весьма распространены и составляли даже правило.

Творный п. Въ творникѣ, какъ и по-русски, господствуетъ азóвое окончаніе—ami, нпр. chłopami, królami. Это окончаніе перенесено и въ óновое склоненіе, нпр., sioło—siołami, pole—polami. Впрочемъ въ старину были обычны и до сихъ поръ сохранились древніе твóрники на y и на i. Въ настоящее время это окончаніе допускается только тогда, когда падежъ предметницы достаточно опредѣленъ предшествующимъ прикладкомъ или предлогомъ, напр. krzywymi dzioby (dziób—клювъ), z mosiężnemi dzwonki (съ латунными колокольчиками). Эта форма, преимущественно книжная, встрѣчается и въ просторѣчіи, нпр. polować z charty (охотиться съ борзыми). Является она и у словъ средняго рода, нпр. swiętemi usty; притомъ слова оноваго склоненія чаще допускаютъ ее, потому что у нихъ она не совпадаетъ съ другими падежами. Въ мягкомъ различіи встрѣчается и окончаніе mi, которое въ большинствѣ случаевъ равно основному ьми, т. е. является у словъ ижеваго склоненія, нпр. ludźmi, но перенесена и на другія слова, нпр. końmi, królmi. Въ тверд. разл. оконч. mi имѣетъ слово wół—wołmi, но это—форма уковаго склоненія, къ коему это слово нѣкогда принадлежало. Въ старѣйшихъ памятникахъ mi встрѣчается нерѣдко и у другихъ словъ: chlebmi рядомъ съ

chleby, językmi рядомъ съ języki, въ мягкомъ различій это даже, можно сказать, единственное окончаніе старѣйшаго языка: męźmi, królmi и т. д. *). Mi служило мостомъ для болѣе поздняго, возникшаго въ XVI, можетъ быть въ XV в., ami.

Мѣстный п. обыкновенно сходенъ съ русскимъ, т. е. усвоилъ себѣ окончаніе азбваго склоненія ach, напр. chłopach, królach; то-же и въ оновомъ склоненіи, нпр. siołach. Только какъ рѣдкій архаизмъ встрѣчается окончаніе равное старроцерк. ѣхъ. Является оно у названій народовъ, когда они обозначаютъ страны, нпр. we Włoszech (въ Италіи), w Węgrzech (въ Венгріи). Кромѣ того оно допускается, какъ дублетъ къ формѣ на ach, у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, нпр. czasach и czasiech (czas—время), kwiatach и kwieciech (kwiat—цвѣтокъ). Подобнымъ же образомъ и у словъ оноваго склоненія встрѣчается ech, нпр. отъ слова lato (которое, подобно рус. лѣто, имѣетъ два значенія, такъ что lata служитъ множинóю къ слову rok—годъ)—latach и leciech; отъ слова niebo—na niebiosach и na niebiesiech. Окончаніе ech чаще чѣмъ въ литературномъ языкѣ является въ простонародномъ, а въ старину оно составляло правило.—Кромѣ этихъ окончаній въ старопольскомъ встрѣчается еще och, которое слѣдуетъ сопоставлять со староцерк. охъ, являющимся рядомъ съ ѣхъ въ уковомъ склоненіи, нпр. старопольс. synoch, bogoch; встрѣчается оно и въ мягкомъ различіи, нпр. dnioch.—Соотвѣтствія староцерковному окончанію ихъ мы не находимъ ни теперь, ни въ старину.

Двойственное число сохранялось въ старопольскомъ, хотя уже и тутъ вымирало. Въ еровомъ склоненіи оно является въ слѣдующемъ видѣ: н. з. в.—chłopa, króla, р. м. chłopu, królu, д. тв. chłopoma, króloma (вм. органическаго królema). У именъ одушевленныхъ рóдникъ на u служитъ и винильникомъ, нпр. Янъ Кохановскій пишетъ: widzę dwu Kazimierzu я вижу двухъ Казимировъ, dwu kotu w jeden wór źle sadzać дурно сажать двухъ котовъ въ одинъ мѣшокъ, два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ.—Относительно двоины въ современной народной рѣчи нужно замѣтить,

*) i (т. е. надо думать y: старѣйшее письмо не различаетъ звуковъ и и ы) встрѣчается только въ полутвердой разновидности у словъ на ьць, нпр. oćcy.

что сохранились выраженія dwa grosza, dwa garnca (обыкновенно dwa grosze, dwa garnce) и нѣкоторыя другія.

Особенности отдѣльныхъ словъ. Множина̀ слова przyjaciel, за исключеніемъ назывника, можетъ во всѣхъ падежахъ представлять твердыя окончанія вм. мягкихъ. Эта особенность является и въ староцерк. у словъ на тель, нпр. житель—множ. ро́дникъ житель. Эти основы нужно возводить къ древнимъ согласнымъ основамъ. Значитъ слово przyjaciel во множинѣ можетъ измѣняться такъ: наз. przyjaciele, родн. -ciół, дав. -ciołom, вин. -cioły (или=родн.), творн. -ciołmi, мѣстн. -ciołach. Далѣе отмѣтимъ слова: brat, ksiądz (священникъ) и szlachcic. У этихъ словъ множину̀ замѣняютъ собирательными предметницами. Со словомъ братъ поступаютъ такъ почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ: и въ староцерк. братия или братрия. По-польски въ старину bracia и księża склонялись по одиинѣ, но теперь являются также формы, образованныя по смыслу, т. е. съ окончаніями множи́нными, иногда и вовсе вытѣснившія старинныя формы; винильникъ замѣненъ ро́дникомъ, какъ это обычно у названій лицъ: braci, księży; вмѣстѣ съ тѣмъ утратился и пад. зовный: онъ замѣняется назывнымъ. Ближе къ своему первоначальному склоненію осталось слово szlachta. Слово это (заимствованное изъ Нѣмецкаго языка: старонѣм. slahta, нынѣшнее Geschlecht) до сихъ поръ склоняется по однинѣ, только зовный пад. замѣненъ назывнымъ. Прикладки и глаголы при немъ ставятся въ ед. ч., хотя и не всегда (при bracia и księża множина̀ обязательна).

Склоненіе о́новое. Въ дополненіе къ сказанному объ этомъ склоненіи подъ соотвѣтственными падежами е́роваго склоненія, отмѣтимъ, что однѝнный ро́дникъ здѣсь всегда оканчивается на *a*, и окончанія u вовсе нѣтъ. Это имѣетъ свою причину въ томъ, что уковое склоненіе непосредственно могло вліять только на мужескія слова. Въ давальникѣ вездѣ господствуетъ u, а owi, какъ и въ староцерк, почти не встрѣчается. Во множинѣ для назывника, зовника и винильника существуетъ оконч. *a*, нпр. sioła. Впрочемъ встрѣчается и замѣна этого *a* черезъ *y*, нпр. sioły, что̀ бываетъ и по-русски. Ро́дникъ сохранилъ древній безсуффиксный видъ—siół, pól=староцерк. селъ, полъ. Этому образованію слѣдуетъ и слова̀ іотоваго различія, съ окончаніемъ ие, которое по-польски звучитъ ie, нпр. kazanie (проповѣдь)—kazań, uczucie (чувство)—

nczuć, вм. староцерковныхъ казании, *оучоутии. Иногда, впрочемъ, встрѣчается и окончаніе ów (ср. рус. простор́ѣчныя дѣлóвъ, мѣстóвъ). Школьная грамматика рекомендуетъ употреблять это окончаніе у словъ односложныхъ, напр. отъ слова dno имѣемъ dnów, отъ szkło стекло—szkłów, хотя есть и den,=староцерк. дънъ, и szkieł, подобное русскому стёколъ. Далѣе, рóдникъ на ów составляетъ правило у словъ увеличительныхъ на isko, когда они происходятъ отъ словъ муж. р., нпр. chłopisko (мужичище), производное отъ chłop, имѣетъ chłopisków. Въ третьихъ, окончаніе ów присвоено словамъ на wie, нпр. przysłowie (поговорка)—przysłowiów. Наконецъ, такой же рóдникъ имѣютъ слова̀, заимствованныя изъ латинскаго языка на yum, ium. Слова̀ эти въ ед. ч. не принято склонять *), а народная рѣчь переводитъ ихъ въ жен. родъ. Итакъ, gimnàzyum (народное gimnazyja)—множинный родн. gimnàzyów (называникъ gimnàzya). Однако встрѣчаются рóдники на ów и помимо указанныхъ случаевъ, а народныя говоры нерѣдко даютъ этой формѣ большой просторъ, почти вовсе не употребляя безсуффиксной. Отмѣтимъ еще двойнные падежи siele и poli, соотвѣтствующіе староцерк. на ѣ и на и. И по настоящее время въ народной рѣчи и у писателей встрѣчаются двойнныя формы dwie (также trzy, cztery) lecie.

Азовое склоненіе. Давальный, онъ же и *мѣстный, падежъ* твердаго различія, передъ своимъ узкимъ окончаніемъ, представляетъ ту же звуковую особенность, которую мы видѣли въ склоненіяхъ еровомъ и оновомъ, нпр. siostra, дав. siestrze, gwiazda—gwieździe. Опять-таки эти формы еще въ старину стали замѣняться подражательными, заимствовавшими широкіе гласники *o* и *a* у другихъ падежей: siostrze, gwiaździe. Въ новопольскомъ это стремленіе усилилось, хотя самородныя формы окончательно не вытѣснены, а у иныхъ словъ даже преобладаютъ: нпр., отъ żona теперь всегда żonie, отъ siostra обыкновенно siostrze, но gwieździe употребляется чаще чѣмъ gwiaździe.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на падежи *винильный* и *творный*—въ первомъ мы находимъ окончаніе ę: rybę, во вто-

---

*) Такъ поступаютъ со всѣми латинскими словами на um, нпр. centrum.

ромъ—ą: rybą. Творникъ rybą можно сопоставить со староцерковнымъ дублетомъ къ ф. рыбоѭ—рыбѫ. Миклошичъ сперва думалъ, что окончаніе ѫ есть настоящее именное, а оѭ заимствовано изъ мѣстоименнаго склоненія; однако, въ своей монографіи „О долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ", онъ признается, что ѫ могло получиться изъ оѭ черезъ стяженіе. Въ пользу этого говоритъ польское ą, восходящее къ ѫ долгому, тогда какъ вин. предполагаетъ ѫ̆, соотвѣтственно чему въ Чешскомъ вин. rybu, тв. rybú (старочешскій, по-новочешски rybou).

Множинный ро́дникъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ окончаніе ów. Школьная грамматика допускаетъ это окончаніе у односложекъ, нпр. mgła—mgłów, pchła блоха—pchłów (также pcheł). Однако у писателей иногда встрѣчаются формы въ родѣ rzęsów рѣсницъ, palmów, а народная рѣчь нерѣдко присвояетъ это окончаніе всѣмъ словамъ, почти вовсе не допуская безсуффиксности.

Множ. творникъ. Когда азовое окончаніе ami было перенесено на другія склоненія, тогда, наоборотъ, въ азовое склоненіе стала заходить форма ероваго и оноваго склоненія: имѣя при sadami архаическое sady, и къ rybami образовали ryby. Мицкевичъ, нпр., пишетъ różowemi wstęgi (розовыми лентами). Попадается также mi, нпр. falmi вм. falami (fala—волна), szponmi (szpona—коготь).

Двойственное ч. Назывно-винильно-зовный п. rybie, родномѣстный rybu, давально-творный ryboma (при староцерк. рыбама). Замѣтимъ, что двойнныя формы на ie и до сихъ поръ встрѣчаются въ народной рѣчи, а dwie babie читается у Мицкевича въ „Панѣ Тадеушѣ", пѣсня VI.

Мягкое различіе. Здѣсь заслуживаютъ вниманія архаическія называники на i, а именно на yni: gospodyni, bogini. Такое же i имѣетъ и слово pani. Въ старину это окончаніе придавалось и слову łani (лань, оленица), теперь же обыкновенно говорятъ łania, какъ по-русски вм. богини—богиня.

Родный п., не представляя особенности по сравненію съ русскимъ языкомъ, расходится со староцерковнымъ: именно мы имѣемъ gospodyni, ziemi, źmii (отъ źmija). (Исчезновеніе въ послѣднемъ реченіи j есть особенность чисто ореографическая: передъ каждымъ польскимъ i подразумѣвается легкій j, такъ что звуковая транскрипція будетъ źmi̯ii). Оконч. i могло зайти сюда изъ склоненія ижеваго (или

ереваго); кромѣ того, тутъ можно видѣть и вліяніе твердаго различія. Въ старинной и въ народной рѣчи встрѣчаемъ форму на *е*, не допускаемую въ литературной (у Мицкевича она встрѣчается, но всего разъ, а именно źmije). Это *е* выводятъ изъ *ѧ*, и źmije отожествляютъ со староцерк. ꙁмиѩ, но его лучше выводить изъ *ѣ*, сопоставляя źmije со старорусскимъ змиѣ. Срв. выше, стран. 19. Старопольская рѣчь имѣла для этого падежа еще одно окончаніе—éj: źmijéj (то же въ дав. и мѣст.); это окончаніе заимствовано изъ сложнаго склоненія, т. е. у прилагательныхъ.

Винильный п. Въ этомъ падежѣ мягкое различіе отличается отъ твердаго тѣмъ, что иногда имѣетъ вмѣсто ę—ą. Такое ą, во первыхъ, присвоено словамъ на nia съ предшествующимъ согласнымъ, нпр. suknia (платье)—suknią. Далѣе, пришлымъ словамъ на ya, ia, нпр. Màrya—Màryą, emàlia (эмаль)—emàlią. Является оно еще у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ—wola, dola, rola (пашня). Однако ą нигдѣ не господствуетъ исключительно: всѣ словà принимающія его допускаютъ и обыкновенное ę. Окончаніе ą можно объяснить подражаніемъ сложному склоненію; хотя въ такомъ случаѣ странно, почему оно не распространилось и на твердое различіе. Миклошичъ видитъ здѣсь стяженіе и выводитъ wola изъ волиja, въ пользу чего говоритъ старинный и народный выговоръ wolá; однако такое стяженіе само по себѣ не вѣроятно, и Чешскій языкъ представляетъ краткое окончаніе: vůle изъ болѣе ранняго vól'a.

Зовный п. Окончаніе *о*, сохранившись въ твердомъ различіи, распространилось и на мягкое, нпр. wolo! Въ старину встрѣчается нѣсколько органическихъ зовниковъ на *е*: во Флоріанской псалтыри—dusze!, gospodze! Такъ какъ пригнуска ʽвъ концѣ слова обыкновенно изчезаетъ, то зовный падежъ совпадаетъ съ творнымъ, а въ мягкомъ различіи отчасти и съ винильнымъ.—Своеобразный зовникъ имѣютъ ласкательныя формы собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ названій родства, напр. Kasia (Катя)—Kasiu!, babula—babulu! Для объясненія этого окончанія, очевидно идущаго изъ мягкаго различія ероваго скл., Бодуэнъ де-Куртенэ предположилъ, что оно первоначально явилось только у тѣхъ ласкательныхъ именъ, которыя можно бы назвать подвижными, переводя латинскій терминъ substantiva mobilia, такъ Józio и Józia (ласк. къ Józef и Józefa), Władzio и Władzia (Władysław, Władysława), Kazio и

Kazia (Kazimierz, Kazimiera), Ludwiś и Ludwisia (Ludwig и Ludwiga). Потомъ это окончаніе распространилось и на другія ласкательныя имена и, наконецъ, на ласкательныя названія родства.

Множинный называникъ (онъ же *винильникъ* и *зовникъ*) представляетъ оконч. *е*, нпр. źmije, староцерк. ꙃмиꙗ. Такое же соотношеніе, *е* при староцерк. ꙗ, мы видѣли въ одиинномъ рóдникѣ этого же склоненія и различія, а также въ одной формѣ склоненія éроваго (срв. стр. 19); опять-таки въ старорусскомъ здѣсь является ѣ: ꙃмиѣ, ꙁемлѣ и т. п.

Родный п. Въ этомъ п., кромѣ безсуффиксности, мы видимъ окончаніе і. Это і, какъ и рус. ей, зашло сюда изъ склоненія іжеваго (ереваго). Оконч. і обыкновенно принимаютъ слова на la, nia съ предшествующимъ согласнымъ, во избѣжаніе вставки гласнаго, нарушающей соотвѣтствіе съ другими падежами, напр. kropla (капля)—kropli (но и kropel), suknia—sukni (и sukien). Кромѣ того, это же оконч. присвоено и заимствованнымъ словамъ на ya, ia, нпр. tragèdya—tragèdyi. Подобнымъ же образомъ и отъ туземнаго слова nadzieja (надежда, малорус. н а д і я)—nadziei.

Двоинà (старопольская). Называно-зовно-винильный п. woli, родно-мѣст. wolu, давально-творн. woloma. Двоинная форма, но уже безъ двоиннаго значенія, сохраняется въ выраженіи dwie (также trzy, cztery) niedzieli *), рядомъ съ обыкновеннымъ niedziele.

Особенности отдѣльныхъ словъ. Словà азоваго склоненія м у ж. р. нѣсколько измѣнили свое первоначальное склоненіе. Обыкновенно они, сохраняя вообще старинныя окончанія, образуютъ множинный называникъ и рóдникъ по еровому склоненію, или, можно сказать (такъ какъ остальныя окончанія общи обоимъ склоненіямъ), склоняются въ ед. ч. по азовому скл., а во множ.—по еровому: monarcha, monarchy и т. д., но monarchowie, monarchów; jezuita, -ty—jezuici, jezuitów; dozórca (смотритель), dozórcy—dozórcy, dozórców **). Большее еще смѣшеніе формъ представляютъ

---

*) Niedziela=церковнослав. недѣлꙗ, т. е. воскресенье; седмица называется tydzień, род. tygodnia.

**) При мягкомъ окончаніи, напр. cieśla (плотникъ), также множинный называникъ cieśle можно относить и туда, и сюда.

слова sędzia (судии), hrabia (графъ) и rękojmia (поручитель), которыя измѣнили также и одвину: сначала усвоивъ себѣ, наравнѣ съ другими словами мягкаго различія, оконч. éj и образовавъ родный и давально-мѣстный п. sędziéj, они затѣмъ по смыслу стали замѣнять его формами мужескаго рода на ego, emu, im: sedziego, sędziemu и sędzim. Въ иныхъ падежахъ замѣчается колебаніе, нпр. въ вин. говорятъ sędzię по азовому склоненію и sędziego—по сложному.—Особенность представляетъ также слово ręka, сохранившее до настоящаго времени двоинныя формы: ręce, ręku, rękoma; однако, уже въ старину на ряду съ ними существовали и множинныя формы. Въ современной рѣчи сохранился назывникъ ręce, ро́дникъ будетъ rąk, давальникъ rękom,—rękoma только творникъ, при чемъ употребляется также rękami, мѣст. ręku, но чаще rękach. Притомъ ręku сохраняетъ множинное значеніе только въ книжномъ языкѣ, въ просторѣчьи же принимаютъ его за ед. ч., т. е. за мѣстникъ по еровому или оновому склоненіи, какъ w potoku, w oku и т. п., что̀ встрѣчается и у писателей: Мицкевичъ напр. пишетъ w moim ręku. Различіе по значенію между двоинными и множинными формами сгладилось довольно рано: уже у Яна Кохановскаго встрѣчаемъ ихъ употребленіе въ противоположномъ первоначальному значенію смыслѣ: z rąk złego człowieka и z ręku nieprzyjaciół (Въ первомъ случаѣ, по старинному синтаксису, было обязательно двойст. ч., а во второмъ могло бы стоять и множ.).

Ижевое или *еревое склоненіе*. Всѣ новославянскіе языки утратили въ этомъ скл. слова̀ муж. р. Судьба такихъ словъ была двоякая: или они переходили въ еровое склоненіе (по-польски, какъ и по русски, всегда въ мягкое его различіе), или, оставшись въ ижевомъ, мѣняли муж. р. на жен. Собственно, вмѣсто перехода въ еровое склоненіе, лучше говорить о сліяніи съ нимъ, т. к. нѣкоторые падежи ижеваго склоненія уцѣлѣли и даже породили подражательныя образованія, таковы множ. родн. gości, ludzi и мн. тв. gośćmi (срв. стр. 21 и 22), но именно вслѣдствіе этого они перестали быть характерными формами ижеваго склоненія. Очевидно, по тому же склоненію образованы назывники goście, ludzie (староцерк. гостие, людие), но они тоже не характерны, т. к. совпадаютъ съ обычными назывниками мягкаго различія ероваго скл.

Вин. gości, ludzi мы также должны отожествлять со староцерк. **гости, люди**, но и эти формы не характерны, т. к. совпадаютъ съ рóдникомъ, а потому для сознанія современнаго поляка являются рóдниками въ роли винильниковъ.

Итакъ слова, идущія въ настоящее время по ижевому скл., всѣ женскаго р. Слова эти могутъ забѣгать подъ образецъ азоваго склоненія, а именно въ мягкое его различіе: такъ родн. п. вм. органическаго *i* имѣетъ также *e*, напр. dłoń—dłonie, та же форма служитъ множиннымъ называикомъ и винильникомъ. На ряду съ этимъ замѣчается колебаніе въ одниномъ называикѣ и винильникѣ, напр. назыв. karm и karmia (кормъ), вин. karm и karmię. То-же самое у именъ ласкат. на usia, напр. ciotusia и ciotuś (тетушка), вин. ciotusię и ciotuś. Въ основѣ такой двойственности лежитъ, вѣроятно, исконная двойственность у нѣкоторыхъ словъ: можно думать, что напр. при głębia издавна стояла форма głąb= рус. глубь. Множинный творникъ почти утратилъ свое оконч. mi=ьми и замѣнилъ его азовымъ оконч. ami, нпр. kościami; какія-нибудь dłońmi, nićmi уже представляютъ исключеніе. (То-же и по-русски).

По ижевому скл. въ староцерк. склоняется и двоина къ **око** и **оухо**: **оун, оунѭ, оунма; оушн, оушнѭ, оушнма**, которая находитъ себѣ правильное соотвѣтствіе въ польс. oczy, oczu, oczyma; uszy, uszu, uszyma. Однако эти формы въ современномъ языкѣ отчасти могутъ, а отчасти должны замѣняться соотвѣтственными множинными формами. Въ рóдникѣ вм. oczu, uszu встрѣчаемъ oczów, uszów и ócz, usz, древняя же форма на u отошла на задній планъ. Дав. п. имѣетъ исключительно множинную форму oczom, uszom. Въ творн. рядомъ съ oczyma, uszyma стоитъ oczami, uszami. Множинная форма преобладаетъ также въ мѣстн. п.: oczach, uszach.

Склоненіе нарощательное. Согласныя основы, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, можно считать вымершими: характерныхъ флексій, каковыхъ мало и въ староцерк., мы не находимъ вовсе, и слабый слѣдъ согласнаго склоненія сохраняется лишь въ видѣ нарощенія и въ видѣ колебанія между мягкимъ и твердымъ различіемъ, при чемъ первое является въ ед. ч., а второе во мн.

Слова муж. р. эноваго или нашеваго различія перешли въ мягкое различіе ероваго скл.: староцерк. **камы, камене** измѣнилось

въ kamień, kamienia и т. д. (камень является уже и въ староцерк.). Слѣдъ древняго склоненія можно бы видѣть въ множинной ф. kamienie, сближая ее съ основнымъ камене (=греч. ἄχμονες), коего однако въ староцерк. не встрѣчается: мы постоянно читаемъ собирательное каменик, что по-польски также могло дать kamienie. Нѣкоторую память о согласномъ склоненіи сохраняетъ слово dzień: въ мѣстн. п. we dnie=осн. къ дьне, хотя есть и ф. dniu. Древнюю, однако не характерную ф. можно видѣть въ множ. назыв. dnie, рядомъ съ болѣе употребительнымъ dni: dnie можетъ равняться осн. дьне, хотя его можно выводить также изъ осн. дьние, образованнаго по ижевому скл. Какъ память о древнихъ назывникахъ на ы отмѣтимъ уменьшительныя kamyk, krzemyk, płomyk и т. д. (къ kamień, krzemień, płomień). Эти слова несомнѣнно произошли отъ назывника на ы: по примѣру того, какъ отъ цвѣт-ъ образовано цвѣт-ъкъ, отъ камы образовали камы-къ.

Нашевое различіе сред. р. Слово imię представляетъ родн. imienia, множ. назывникъ соотвѣтсвенно староцерк. имена—imiona. Такимъ образомъ однина (если не считать нарощенія) идетъ по мягкому различію оноваго скл., а множина—по твердому. По примѣру двойственности imienia—imiona возникли двѣ новотворки: nasienie (=*насѣние) сѣмя образовало nasiona, ziele (зелие)—zioła. Срв. kamiona, jęczmiona, -у, стр. 20.—Носовой пазвукъ въ словѣ imię обыкновенно не договаривается, притомъ и въ тѣхъ говорахъ, которые сохраняютъ конечную пригнуску : надо думать, что тутъ вліяло мягкое различіе оноваго скл., т. е. такія формы какъ pole. Исходя отъ назывно-винильника на e, образуютъ иногда косвенные падежи безъ нарощенія, нпр. вм. imienia—imia (что встрѣчается и по-русски).

Твердовыя основы представляютъ то же чередованіе мягкихъ окончаній съ твердыми, какъ и нашевыя. Стрцрк. телѧ, телѧте по-польски является въ видѣ cielę, cielęcia; множ. наз. cielęta, род. cieląt, дав. cielętom, тв. cielętami, мѣст. cielętach. Въ родникѣ cieląt есть звуковая неправильность: сжатіе передъ издавна безголоснымъ согласникомъ. Слово dziecię=основ. дѣтѧ склоняется въ одиннѣ, какъ cielę, а множина, какъ и въ русскомъ и въ староцерковномъ, слѣдуетъ ижевому скл.: наз. dzieci, род. dzieci, дав. dzieciom, тв. dziećmi, мѣст. dzieciach.

Эсовыя или *слововыя основы* представлены только однимъ реченіемъ niebo и только во множинѣ — niebiosa; при этомъ употребляется также множина nieba (въ значеніи „высшая сила“ или „царство небесное“). Изъ стариннаго языка можно отмѣтить у Яна Кохановскаго мѣстн. пад. na kolesie, при им. koło (рус. колесо).

Вѣдевыя основы, какъ и во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, перешли въ ижевое склоненіе, а иногда въ азовое: вм. цръкы— cerkiew, иногда cerkwa (впрочемъ самое это слово рѣдкое, обыкновенно употребляется kościoł). Основаніе для такихъ формъ было дано уже въ праславянскомъ языкѣ. Подобно cerkiew образовано krew, род. krwi (въ старину krwie: форма древняя, но не характерная, т. к. можетъ быть отнесена къ мягкому различію азоваго скл.); у этого слова старопольскій яз. представляетъ одно древнее образованіе, не уцѣлѣвшее даже въ староцерк.: наз. kry (кры, въ видѣ kri существуетъ еще у Словенцевъ).

Основы рцовыя—мати и дъшти утрачены: онѣ замѣнены производными matka и córka (*дъштеръка). Кромѣ того, въ поэзіи и въ народной рѣчи есть еще córa. Въ языкѣ народномъ и старинномъ мы, однако, встрѣчаемъ mać, род. macierze, тв. macierzą.

Склоненіе личныхъ мѣстоименій. Примыкающее къ именному склоненію склоненіе мѣстоименій личныхъ и возвратнаго представляетъ нѣкоторыя особенности. Мѣстоим. 1 л. въ наз. пад. звучитъ ja, какъ почти во всѣхъ новослав. языкахъ, въ старину (во Флор. псалт.) встрѣчаемъ и форму jaz. Далѣе заслуживаетъ вниманія род. п. mnie при староцерк. мене; очевидно родн. примѣнился къ дав. mnie и къ тв. mną,=староцерк. мънѣ и мъноѭ. Въ мѣстоим. 2 л. и въ возвратномъ родн. представляетъ органическія ciebie, siebie, равныя староцерковнымъ тебе, себе. Mnie, ciebe и siebie служатъ также винильниками, хотя сохраняются и mię, cię, się=стрцрк. мѧ, тѧ, сѧ; первыя формы—полновѣсныя, сильныя, употребляемыя въ началѣ предложенія, въ соединеніи съ предлогами и подъ логическимъ удареніемъ, а вторыя—энклитическія, слабыя *). Какъ винильникъ позаимствовался у рóдника сильною формою, такъ, наоборотъ, рóдникъ взялъ у винильника слабую. Въ падежѣ давальномъ мы видимъ mnie и tobie, sobie, при староцерк. тебѣ, себѣ. У мѣст.

---

*) Въ соединеніи съ предлогами являются иногда и слабыя формы.

2 л. и у возвратнаго мы находимъ такимъ образомъ огласовку неодинаковую со староцерковною; въ Староцерк. такая огласовка является въ твор. тобоѭ, собоѭ, но я не рѣшаюсь утверждать, что давальникъ заимствовалъ ее у творника. И въ языкѣ Чешскомъ мы находимъ tobě, sobě; ту же огласовку представляютъ русскія народныя и старинныя тобѣ, собѣ—тебѣ, себѣ заподозрѣны въ книжномъ происхожденіи. Въ этомъ пад. при сильныхъ формахъ мы находимъ и слабыя—mi, ci. Однако si утрачено и сохраняется лишь въ видѣ ś, въ качествѣ суффикса, который, присоединяясь къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ, придаетъ имъ значеніе неопредѣленности: kto кто, ktoś—кто-то; gdzie гдѣ, gdzieś—гдѣ-то и т. д. Подобно тому какъ si сократилось въ ś, и ci можетъ сокращаться въ ć. Объ остальныхъ формахъ личныхъ мѣстоименій распространяться нечего: онѣ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ русскими, а отъ староцерковныхъ отличаются только утратой древнихъ винильниковъ ны и вы, мѣсто которыхъ, какъ и по-русски, заступаютъ рóдники. Изъ двоинныхъ формъ слѣдуетъ указать wa вм. староцерк. вѣ. (Формы 2 л. не отмѣчено).

Мѣстоименное склоненіе.

Особаго мѣстоименнаго склоненія по-польски не существуетъ: оно совпало со склоненіемъ сложнымъ. Остаткомъ этого склоненія являются падежи родный и давальный вопроснаго мѣстоименія kto—kogo и komu. Однако падежи твор. и мѣст. имѣютъ общую форму kim, совпадающую съ формами сложнаго склоненія: въ Староцерковномъ твор. цѣмь, а мѣст. комь; впрочемъ вм. цѣмь употребляется и кыимь, принадлежащее собственно къ мѣстоим. кыи, кое, кая; изъ этого кыимь, вѣроятно, и происходитъ польское kim, замѣнившее собою и мѣстникъ комь, очевидно потому, что въ сложномъ склоненіи эти падежи совпадаютъ. Соотвѣтствующее kto отрицат. мѣстоим. nikt также имѣетъ nikogo, nikomu. Что касается назывника nikt, то его слѣдуетъ объяснять примѣненіемъ къ именному скл., гдѣ *o* (за немногими исключеніями, какъ ласкальныя Józio и т. п.) свойственно только среднему р.; въ формѣ же kto *o* не могло отпасть, т. к. получилось бы невозможное сочетаніе согласныхъ безъ гласнаго. Подобно вопросному мѣстоименію личному, надо думать, сохраняетъ древнія формы и вопросное мѣст. предметное—czego, czemu, но это

формы не характерныя, да и не очень древнія: въ Староцерк. чьсо, чесо или чьсого, чесого; чьсомоу, чесомоу. Jego, jemu также мѣстоименныя формы, но опять-таки не отличныя отъ сложныхъ.—Далѣе сохранился древній рóдникъ чьсо, только въ измѣненномъ значеніи, а именно онъ замѣнилъ утраченный назывникъ чьто: въ старѣйшихъ памятникахъ мы находимъ czso, откуда затѣмъ вышло со. Аналогично этому употребленіе въ русской народной рѣчи рóдника чего вм. назывника. Польскій яз. сохранилъ также, въ нѣкоторыхъ соединеніяхъ, праславянскій винильникъ чь, а именно въ соединеніи съ предлогами, нпр. zacz, ocz. Это чь можно видѣть и въ отриц. мѣстоим. предм., которое является въ видѣ nic. Nic нельзя объяснять подобно nikt, т. е. видѣть въ немъ утрату *о*, т. к. мы находимъ nieco нѣчто; д. б. оно вышло изъ *nicz, гдѣ шипящій замѣнился свистящимъ примѣнительно къ со.

Отмѣтимъ еще нѣсколько мѣстоименныхъ формъ, отличныхъ отъ сложныхъ, но совпадающихъ съ именными: мѣст. sam, ср. р. samo (самъ, одинъ), мѣст. указ. ten, to (этотъ), сходное съ мѣстоименіями числительное jeden, jedno; неопредѣл. мѣст. żaden, -dno (никакой), которое не чуждается и сложныхъ формъ żadny, -dne; wszystek, -stko. Образованіе послѣдняго мѣстоименія не совсѣмъ ясно, но очевидно оно такъ или иначе представляетъ сумѣсокъ мѣстоименій вьсачьскъ и вьсь. Я не приводилъ здѣсь женскихъ формъ sama, ta и т. д., т. к. *а* можетъ восходить и къ древнему а и къ аа; впрочемъ здѣсь оно древнее: въ старинномъ языкѣ является *а* чистое, не наклоненное, т. е. первоначально краткое, а не долгое. Далѣе отмѣтимъ именно-мѣстоименный винильникъ ж. р., нпр. tę, samę.

Во множинѣ мы имѣемъ отъ мѣст. ten лично-мужескую форму ci=ти, но эта ф. не характерна, т. к. могла бы равняться сложной ф. *тии; общая ф. te (свойственная женскому и среднему роду и мужескому неличному)—сложная; въ старину существовала и долго держалась настоящая ф. женскаго р. ty—это ty даже получило было большее распространеніе, вторгнувшись въ область средняго р., и вытѣснивъ древнее ta.

Укажу еще нѣкоторыя особенности мѣстоименія и, ѥ, ꙗ, назывники котораго не употребительны, а замѣняются, какъ и у всѣхъ почти славянъ, чрезъ on, ono, ona. Въ рóдн. и дав. п.

существуютъ формы сильныя и слабыя: jego и go, jemu и mu. Рóдн. jego служитъ также вин., впрочемъ старопольс. яз. знаетъ и настоящій винительникъ, который мы находимъ въ написаніи gi. Возможно, что g здѣсь писалось вм. j, такъ что gi равно стрцрк. и; или же g зашелъ сюда изъ рóдн. jego, go. Вин. имѣетъ также безсложную разновидность ь (нь), соединяемую съ предлогами, нпр. zań, oń, weń. Это же ń является и вм. рóдн.—doń=do niego: т. к. ń въ zań для язычнаго чутья есть замѣна niego, то и вм. do niego стали допускать doń. Твóрники и безъ предлоговъ принимаютъ начальный n: nim, nią, nimi (niemi); ją, imi, jemi устарѣли, а im существуетъ лишь какъ нарѣчіе, чѣмъ.

Сложное склоненіе.

Изъ основного зълыи, -оѥ, -ꙗꙗ получилось zły, złe, zła. A, получившееся черезъ стяженіе, въ старинной и народной рѣчи—наклоненное; подобно тому и въ среднемъ родѣ и въ другихъ формахъ мы видимъ въ старину написаніе черезъ é. Относительно сред. р. является вопросъ, почему изъ стяженія оѥ вышло е, тогда какъ въ другихъ языкахъ о, нпр. по-сербски зло̑. Возможно, что это зависитъ отъ ударенія, и что древнее дóброје дало добрē, а злóје—зло̄, послѣ чего одни языки провели по всѣмъ прикладкамъ е, а другіе—о. Такъ же можно объяснять рóдникъ złego и давальникъ złemu, при староцерк. зълаго, зълоумоу, изъ болѣе раннихъ зълааго, зълоуоумоу и зълаѥго, зълоуѥмоу. Можно однако сослаться и на вліяніе мягкаго различія мѣстоименнаго склоненія—jego, czego, гдѣ издавна было е. Для падежей *творн.* и *мѣст.* польскіе грамматики даютъ одну форму, но различаютъ въ ней роды муж. и сред.: въ муж. р. твор. и мѣст. пишется złym, въ ср. złém. Но это произвольное правило: по выговору въ обоихъ родахъ и падежахъ можно бы писать y, а по происхожденію нужно бы различать не роды, а падежи—твор. złym и мѣст. złém. Złym—стрцрк. зълыимь, а въ соотвѣтствіе мѣстнику зълѣѥмь мы ожидали бы встрѣтить zlém, но мягкость здѣсь видимо была устранена въ подражаніе другимъ формамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ é (близкое къ i) измѣнилось въ y, вслѣдствіе чего мѣстный падежъ совпалъ съ творнымъ.

Въ *жен. р.* стрцрк. рóдн. зълыꙗ и дав.-мѣст. зълѣи совпали въ видѣ złéj, тогда какъ мы ожидали бы родн. złyję, а дав.-мѣст.

zléj: złéj очевидно получилось через взаимодѣйствіе этихъ двухъ формъ; м. б. въ пользу отвердѣнія вліяли также мѣстоименныя формы **тоѩ** и **тоѭ**. Въ *вин.* изъ **ꙁълѫѭ** вышло złą, такъ что вин. совпадаетъ съ твор.

Во *множ. ч.* называникъ представляетъ различіе между формами мужеско-личною и мужеско-вещевою, присвоенною также обоимъ остальнымъ родамъ. Личное окончаніе есть i=стрцрк. **ии**, нпр. źli=**ꙁълии**, bogaci=**богатии**, dobrzy=**добрии**. Впрочемъ эти формы не характерны, т. к., вслѣдствіе утраты нѣкогда бывшей въ нихъ долготы, совпали съ именными. Форма общая кончается на *e* неумягчительное, нпр. złe, dobre, bogate. Въ этой формѣ надо видѣть винильникъ муж. р. и называно-винильникъ жен.; правда, изъ основного **ꙁълыѩ** трудно вывести złe, но для Польскаго языка, вѣроятно, основною формою было **ꙁълыѣ**, стяженіе же *ye* въ *e* можно допустить. Въ старину встрѣчается еще ф. сред. р. на *a* наклоненное, нпр. źwierzęta leśná (теперь leśne). Употребленіе вещевого окончанія у прикладковъ, какъ и у предметницъ, заходитъ иногда за настоящіе предѣлы: при употребленіи личнаго имени съ вещевымъ окончаніемъ, прикладокъ, съ нимъ согласованный, получаетъ таковое же окончаніе, нпр. starożytni polacy, но starożytne polaki. Благодаря прикладкамъ является возможность провести различіе между вещевымъ и личнымъ окончаніемъ и у такихъ предметницъ, которыя сами къ тому неспособны, нпр. у словъ nauczyciel, panicz барченокъ: dobrzy nauczyciele, но dobre konie; mali panicze, или małe panicze.

Еще заслуживаетъ вниманія множ. творникъ, имѣющій два окончанія— ymi и emi: złymi и złemi. Złymi очевидно=стрцрк. **ꙁълыними**, а złemi слѣдуетъ объяснять сдѣлкою между сложнымъ окончаніемъ ymi и мѣстоименнымъ **ѣми**: звукъ *e* идетъ изъ мѣстоименнаго склоненія, а твердость предшествующаго согласника— изъ сложнаго. Польскіе грамматисты присвоили окончаніе ymi мужескому роду, emi женскому и среднему, но это чистѣйшій произволъ: во всѣхъ родахъ одинаково преобладаетъ emi, но употребляется и ymi. Существуетъ еще третье оконч.—émi, которое въ современномъ языкѣ можно бы считать исключительно ореографическимъ явленіемъ: при колебаніи между e и y, на письмѣ могло появиться среднее между ними é; но въ виду того, что é является

и въ старину, надо объяснять его идущею изъ сложнаго склоненія долготою.

О прикладкахъ мягкаго различія незачѣмъ говорить особо: какое-нибудь tani, tanie, tania (дешевый) отличается отъ zły, złe, zła только тѣмъ, что вм. y вездѣ является i.

Подъ образецъ прикладковъ подведены фамиліи и имена на i (y), нпр. Goldoni—Goldoniego, Salvandy—Salvandego, Antoni—Antoniego, Ignacy—Ignacego, Wirgili—Wirgilego, Horacy—Horacego (говорятъ также Wirgiliusz, -usza, Horácyusz, -usza). Сюда же, очевидно по сходству со среднимъ родомъ, примкнули фамиліи на *e*: Gete—Getego, Linde—Lindego, Bantdkie—Bandtkiego.

Остатки именного склоненія прикладковъ.

Сложныя формы по-польски суть почти единственныя формы прикладковъ, именное склоненіе которыхъ вообще въ новославянскихъ языкахъ сохранилось только въ обломкахъ, а особенно оскудѣло въ Польскомъ языкѣ, гдѣ прикладки даже въ качествѣ сказуемаго постоянно являются въ сложномъ видѣ: ojciec jest dobry, wół jest ślepy, dziecię jest piękne. Лишь нѣкоторые прикладки сохраняютъ именныя окончанія въ назывникѣ и въ совпадающемъ съ нимъ винильникѣ. Таковы притяжательныя прикладки ojców, ojcowo; matczyn, -o (впрочемъ самые прикладки этого рода все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія). Такіе же назывники видимъ и у нѣсколькихъ отдѣльныхъ прикладковъ, нпр. rad, rado; winien, -nno; wart, -to (достоинъ—нѣм. werth); kontent, -to (доволенъ—съ латинскаго). Эти прикладки употребляются лишь въ качествѣ сказуемаго, т. е. въ формѣ назывниковъ. Множинныя формы rade, warte, kontente,—сложныя; однако winien образуетъ женскородную множину winny. Женскородная однинà не характерна, но, судя по старопольскому правописанію, тоже именного образованія, хотя въ народной рѣчи *a* почти всегда сжатое. Radzi, warci, kontenci также слѣдуетъ считать именными формами, но они совпадаютъ со сложными. Именныя формы ед. ч. муж. р., въ качествѣ сказуемаго, встрѣчаются еще отъ нѣкоторыхъ прикладковъ: zdrów (bądź zdrów—будь здоровъ, прощай), gotów, wesół, pełen и нѣсколько другихъ. Въ старину употреблялось больше такихъ формъ, а нѣкогда именное окончаніе, по всей вѣроятности, было обязательнымъ у прикладковъ-сказуемыхъ.

Спряженіе.

Въ спряженіи Польскій языкъ понесъ значительныя утраты: состояніе формъ приблизительно такое, какъ въ русской народной рѣчи (русская литературная рѣчь нѣсколько консервативнѣе). Изъ числа именно-глагольныхъ формъ утрачены: супинъ и настоящное причастіе терпное (страдательное); дѣйныя же причастія обратились въ пápричастки (дѣепричастія) и лишь изрѣдка настоящное причастіе (но не прошедшее) измѣняется по падежамъ. Изъ числа личныхъ формъ утрачены простыя прошедшія (имперфектъ и аористъ), отъ коихъ уже въ старину встрѣчаются только скудныя остатки.

Инфинитивъ въ соотвѣтствіе староцерк. ти представляетъ ć (=рус. *ть*): dać, nieść. Вм. стрцрк. шти, рус. чь является c: piec, стрцрк. пешти, рус. печь; móc, мошти, мочь (срв. стран. 12 и 10, гдѣ приведено ошибочное написаніе módz; таковы же biédz вм. biéc бѣжать и bydź вм. być).

Пápричастки. Настоящный пápричастокъ кончается на—ąc: piekąc, pijąc, karmiąc. Встарь попадается ęcy, нпр. morzęcy Кохан., а также ę: powyszaję, czynię и т. п. Флор. пс. (Чтеніе ę, а не ą, основано на краткости чешскаго окончанія *e*). Рѣдкія *причастія*: piekący, -e, -a, pijący и т. д.*).—*Прошлостный пápричастокъ* имѣетъ окончанія wszy и szy, обычныя и въ Русскомъ языкѣ, нпр. wydawszy, pogrzebszy. По недоразумѣнію вм. szy пишутъ łszy, приводя это окончаніе въ связь съ элевыми причастіями: pogrzebłszy. Форму на wszy, szy слѣдуетъ считать формой женскаго рода, сдѣлавшейся общей для всѣхъ родовъ. Въ старину встрѣчаются также болѣе краткія формы на w, представляющія муж. и сред. родъ: wydaw; но какого-нибудь wyszed не существуетъ, впрочемъ попадается wyszedw. Слѣдуетъ замѣтить, что Поляки образуютъ прошлостный пápричастокъ только отъ глаголовъ совершеннаго вида. (И Русскій языкъ близокъ къ такому употребленію).

Элевое причастіе представляетъ расходящіяся съ русскими нёс, вёс, умер, но сходныя со староцерковными неслъ, везлъ, оумрьлъ—niósł, wiózł, umarł и отличныя какъ отъ русскихъ плёл,

---

*) О нѣкоторой особенности этого пápричастка у глаголовъ ижевыхъ и корневыхъ см. ниже, стр. 40 и 42.

вёл, такъ и отъ староцерковныхъ плелъ, велъ—plótł, wiódł, съ удѣлѣвшими, или возстановленными t и d. См. Дополненіе, стр. 47. Впрочемъ при скороговоркѣ и въ областной рѣчи слышатся подобныя русскимъ формамъ niós, wióz, umar, а также plót, wiód.

Терпное причастіе: bity, chwalony, młocony, rodzony, puszczony и т. д. Это причастіе иногда является въ безчленной формѣ, нпр. tyś w niéj (w klatce) zrodzon; otoczon chmurą (тучею) pułków.

Настоящее время. 1-ое лицо единств. ч. кончается на ę= староцерк. ѫ—plotę, biorę. Иногда мы вм. окончанія ę находимъ флексію m, а именно въ азовомъ настоящемъ употребляется am, нпр. znam, gram, при староцерк. знаѭ, играѭ. Окончаніе m идетъ отъ корневыхъ глаголовъ dam, wiem, jem и подобнаго имъ (хотя и оснóвнаго, но лишеннаго настоящнаго суффикса) mam=имамь. По образцу этихъ глаголовъ вм. znaję явилось znam; исконную форму представляетъ множинное третьеличье znają: срв. чешскія формы znám и znají, сербскія—зна̑м и зна̏jӯ. Znam, znám, зна̑м такимъ образомъ не представляетъ стяженія, а есть новотворка къ дѣйствительно стяженнымъ znasz, znáš, зна̑ш и т. д. (Соотвѣтственно чешско-сербской долготѣ въ Польскомъ языкѣ является старинное и народное сжатіе: znám, znász и т. д.). Кромѣ азовыхъ глаголовъ, m принимаютъ еще глаголы śmieć и umieć—śmiem, umiem.—2-ое лицо кончается на sz: idziesz, prosisz, grasz, но это особенность только сравнительно со староцерковнымъ шн.—Особенностью сравнительно со Староцерковнымъ и еще съ Русскимъ языкомъ представляется опущеніе флексіи въ 3-емъ лицѣ, которое такимъ образомъ=основѣ, нпр. idzie, prosi, gra; остальные новославянскіе языки раздѣляютъ эту особенность, даже и русскій въ областной рѣчи знаетъ такія формы.—Множйнное 1-личье, во избѣжанье совпаденія съ одининнымъ, принимаетъ окончаніе my— damy, umiemy (dam, umiem—одининá); будучи у такихъ глаголовъ обязательнымъ, my господствуетъ и у остальныхъ, хотя тамъ допускается и простое окончаніе m, нпр. pleciemy и pleciem, chodzimy и chodzim. Это my переиначено изъ m подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго личнаго мѣстоименія.—2-ое лицо множ. ч., кончающееся на cie=те, нпр. idziecie, prosicie, gracie, нисколько не замѣчательно.—Множйнное 3-тьеличье, такъ же какъ и одининное,

утратило окончаніе ť или t (изъ ть или тъ) и кончается на замѣнителя ж, нпр. plotą, mogą, grają. Сравнимъ чешскія pletú, mohú (старин., новочеш. pletou, mohou), hrají и сербскія плèтӯ, мȍгӯ, ѝграјӯ, а также одининныя перволичья plotę, mogę, при чеш. pletu, mohu и серб. мо̀гу. Долгота гласнаго, болѣе понятная при замкнутости слога, говоритъ въ пользу существованія, если не въ доисторическую пору Польскаго языка, то въ единомъ языкѣ Сѣверозападныхъ славянъ, окончанія ōť или ōt.

На нѣкоторыя замѣчанія вызываютъ здѣсь ижевые и ижевоятевые глаголы: chwalić, czynić, służyć, kupić, lecieć, siedzieć и т. п. Мы ожидали бы встрѣтить у нихъ въ множи́нномъ 3-тьеличьѣ отраженіе староцерковнаго окончанія ѧть, но находимъ только нехарактерныя (хотя и восходящія къ хвалѧть, чинѧть, слоужѧть, коупѧть) chwalą, czynią, służą, kupią, а при корнѣ на s, z, t и d, у какихъ-нибудь prosić, grozić, lecieć, chodzić, puścić, вм. ожидаемыхъ prosią, grozią, lecią, chodzią, puścią, являются proszą, grożą, lecą, chodzą, puszczą, какъ-будто въ Староцерковномъ было прошѫть, грожѫть, лештѫть, хождѫть и поущтѫть—очевидно, вслѣдствіе заимствованія 3-го лица множественнаго числа у 1-го единственнаго. Такое-же заимствованіе приходится предполагать у настоящныхъ па́причастковъ этихъ глаголовъ: prosząc, grożac, lecąc, chodząc, puszcząc, вм. ожидаемыхъ prosiąc, groziąc, leciąc и т. д. (въ Староцерк. проса, -аштн; гроӡа, -аштн и т. д.). Еще заслуживаетъ вниманія появленье у разсматриваемыхъ глаголовъ въ 1-мъ лицѣ множ. ч. темового *e* вм. *i*: leciemy вм. lecimy, chodziemy вм. chodzimy, słyszemy вм. słyszymy; грамматисты, правда, донынѣ предпочитаютъ здѣсь *i*, но *e* давно уже возобладало. Появилось это *e*, конечно, не безъ вліянія естеваго настоящаго. Однако если бы была только эта причина, то *e* провели бы по всѣмъ лицамъ: какъ подъ вліяніемъ pleciemy явилось leciemy, такъ подъ вліяніемъ pleciesz, plecie, pleciecie возникли бы небывалыя leciesz, lecie, leciecie—очевидно, нужно сослаться еще на другую причину, а именно, на вліяніе одинины: усвоенію *e* благопріятствовало присутствіе того же звука (съ пригнусной) въ формахъ lecę, chodzę, тогда какъ lecisz, chodzisz, напротивъ того, поддерживали старинную примѣту *i*. Мысль о вліяніи одинины, принадлежащая Бодуэну-де-Куртенэ, находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ явленіи

областной рѣчи: въ иныхъ говорахъ вм. idziemy употребляется idemy, вм. pieczemy—piekemy, въ которыхъ d и k нѣоткуда объяснить, какъ изъ однйннаго 1-личья idę, piekę.

Въ старину встрѣчаются остатки *двоины*: нпр. 1-ое лицо jeśwa во Флор. пс., służywa у Яна Кохан., 3-ье л. źrzyta, zginieta Флор. пс. Окончаніе wa и возникшее изъ него—примѣнительно къ my—ma не рѣдкость въ народномъ языкѣ: będziewa и będziema и т. д., также będzieta и т. д. для 2-го лица; однако двоинное значеніе почти всюду утрачено *).

Наклоненіе велительное. Въ этомъ наклоненіи польскій языкъ, подобно русскому, устранилъ примѣту ѣ, свойственную многимъ староцерк. глаголамъ: бери, но берѣмъ и т. д.; вм. этого онъ всюду распространилъ примѣту и, свойственную во всѣхъ лицахъ первоначально только іотовымъ и ижевымъ глаголамъ. Притомъ, какъ и по-русски, примѣта обыкновенно сокращается, и отъ *i* остается одна мягкость: stań, bądź (рус. стань, будь), мн. stańmy, bądźmy, stańcie, bądźcie; послѣ шипящихъ нѣтъ и мягкости: pisz, piszmy, piszcie. Послѣ гласныхъ i, какъ во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, становится неслоговымъ: znaj, wołaj, bij, kupuj; znajmy, wołajmy, bijmy, kupujmy; znajcie, wołajcie, bijcie, kupujcie.—Мы находимъ также соотвѣтствіе русскому закону, что *i* сохраняется подъ удареніемъ и послѣ нѣсколькихъ согласныхъ, нпр. въ старопольскомъ rwi, rwimy, rwicie; dźwigni, dźwignimy, dźwignicie, каковое велительное впослѣдствіи подчинилось вліянію велительнаго отъ открытыхъ корней и глаголовъ производныхъ, какъ bij, wołaj, и теперь говорятъ rwij, rwijmy, rwijcie; dźwignij, dźwignijmy, dźwignijcie. Передъ примѣтою ѣ-и въ Староцерк. происходитъ смягченіе задненебныхъ согласниковъ въ свистящіе: рьци, рьцѣвѣ, рьцѣта, рьцѣмъ, рьцѣте; помоѕи, помоѕѣмъ, помоѕѣте—въ Польскомъ вм. свистящихъ являются шипящіе: piecz, pieczmy, pieczcie; pomóż, pomóżmy, pomóżcie. Слѣдуетъ думать, что велительное примѣнилось къ настоящему. 3-ьи лица велительнаго наклоненія утрачены и замѣняются соотвѣтственными формами изъявнаго съ прибавленіемъ частицы niechaj, niech: niechaj или

---

*) Сказанное о личныхъ окончаніяхъ настоящаго болѣе-менѣе относится и къ другимъ личнымъ формамъ.

niech piecze, niechaj или niech pieką. Въ старину 3-ье лицо однины̀, какъ и въ Староцерковномъ, могло совпадать со 2-мъ, нпр. powyszona bądź prawica twoja Флор. пс.; донынѣ сохранились выраженія bądź co bądź во что бы то ни стало и pomagaj Bóg Богъ пóмочь.

Корневые глаголы. Мы видѣли, что нѣкоторые оснóвные глаголы позаимствовали у корневыхъ окончаніе одниннаго перволичья m—наоборотъ, и корневые глаголы позаимствовались кое-чѣмъ у оснóвныхъ. Dam, wiem, jem,=осн. дамь, вѣмь, ѣмь (вар. къ ꙗмь), окончаніе sz, въ dasz, jesz, wiesz, очевидно переняли у глаголовъ оснóвныхъ, т. к. въ соотвѣтствіе староцерковнымъ даси, ꙗси, вѣси по-польски должно бы быть *daś, *jeś, *wieś. Также 3-ье лицо ед. ч. и 2-ое множ.—da, je, wie; dacie, jecie, wiecie, если бы не было того же вліянія, звучали бы dast, jest, wiest, daście, jeście, wieście. Еще и 3-ье лицо множ. ч., dadzą, wiedzą, jedza, не представляетъ полнаго соотвѣтствія староцерк. дадать, вѣдать, ꙗдать: должно бы быть *dadzią, *wiedzią, *jedzią. Также и пáпричастки jedząc, wiedząc замѣняютъ *jedziąc, *wiedziąc=ꙗдꙗ, вѣдꙗ (разновидностямъ къ ꙗдꙑ, вѣдꙑ). Подобное явленіе мы встрѣтили ранѣе у глаголовъ ижевыхъ и ижево-ятевыхъ (стран. 40). У корневыхъ глаголовъ на эти формы могло оказать вліяніе велительное накл. wiedz, jedz=староцерк. вѣждь, ꙗждь, гдѣ мы находимъ правильное соотвѣтствіе польс. dz со староцерк. жд. Во множинѣ̀ имѣемъ wiedzmy, jedzmy, wiedzcie, jedzcie. Староцерковнымъ вѣдимъ ꙗдимъ, вѣдите, ꙗдите должны бы соотвѣтствовать jedźmy, wiedźmy, jedźcie, wiedźcie (съ dz мягкимъ)—твердость, очевидно, заимствована у однины̀; впрочемъ, заимствованіе было м. б. только въ 1-мъ лицѣ, а 2-му, пожалуй, присвоена лишь неточная орѳографія, т. к. dz здѣсь передъ c не можетъ быть твердымъ, а пишется безъ знака мягкости въ подражаніе другимъ лицамъ. Глаголъ дати, имѣющій въ Староцерк. велит. даждь, прич. дадꙑ, въ Польскомъ, какъ и въ Русскомъ, замѣнилъ эти формы по образцу глаголовъ оснóвныхъ и представляетъ daj, dając. (Дай и даꙗ встрѣчаются и въ Староцерк., но принадлежатъ къ несовершенному глаголу даꙗти—давать).

Четвертый корневой глаголъ—быти. Въ Старопольскомъ мы находимъ здѣсь настоящее, соотвѣтствующее староцерковному: jeśm, jeś, jeść или jest (jest, надо думать, подъ вліяніемъ другихъ

лицъ замѣнило органич. *jost), jeśmy, jeście, są. Изъ этихъ формъ теперь употребляются только jest и są, прочія же утрачены, при чемъ ихъ изчезновеніе начинается довольно рано. Уже въ старину мы замѣчаемъ здѣсь сокращеніе: jeśm даетъ сначала esm, sm, а потомъ em, m; jeś—eś, ś; jeśmy—śmy, jeście—ście. Въ такомъ видѣ наст. ѥсмь живетъ и понынѣ, напр., gotówem umrzeć—готовъ ѥсмь оумрѣти (ж. р. gotowam), Jam Bóg wasz—азъ ѥсмь богъ вашь; winieneś jego śmierci—ты виноватъ въ его смерти (ж. р. winnaś), wszyscyśmy dzieci Boga=вьси ѥсмъ дѣти Бога (Божиѥ); wyście krzepcy i zdrowi—вы ѥсте крѣпъци и съдрави. Сокращенныя формы, какъ видно, сливаются на письмѣ съ предшествующимъ словомъ. Кромѣ сокращеннаго (по синтаксическому употребленію, слабаго) вида, настоящее существ. глагола имѣетъ еще и другой—распространенный (сильный), о коемъ рѣчь будетъ ниже.

Прошедшее время. Мы уже отмѣтили, что Польскій языкъ утратилъ имперфектъ и аористъ: только въ старѣйшихъ памятникахъ указано нѣсколько такихъ формъ, по которымъ едва можно составить себѣ понятіе, въ какомъ видѣ являлись эти прошедшія. Уже издавна господствуетъ прошедшее сложное, т. е. соединеніе элеваго причастія съ настоящимъ глагола быти. Первоначально въ Старопольскомъ имѣлось напр. отъ гл. widzieć слѣдующее прошедшее:

	Однина.	Множина.
1 л.	widział, -a (-o) jeśm	widzieli, widziały śmy
2 л.	widział, -a (-o) jeś	widzieli, widziały ście
3 л.	widział, -a -o jest	widzieli, widziały są.

Въ 3 л. помагальный глаголъ, каковой мы читаемъ напр. во Флоріанской псалтыри: oblekł jest, rozdraźnili są и т. д., издавна можетъ опускаться, такъ что элевое причастіе само по себѣ означаетъ 3 л., а съ конца XVI в. помагальный глаголъ здѣсь и вовсе пересталъ употребляться. Въ 1 и 2 л. рано стало происходить сокращеніе—то же самое, которое мы видѣли уже выше: eśm, śm, em, m и т. д. Такимъ образомъ получилось слѣдующее спряженіе: 1 л. widziałem, -am (-om) *), 2 л. widziałeś, -aś (-oś), 3 л.

*) Форму средняго рода я ставлю въ скобкахъ, т. к. она теоретически возможна, но въ дѣйствительности не существуетъ.

widział, -a, -o. Множина: 1 л. widzièliśmy, -dziàłyśmy, 2 л. widzièliście, -dziàłyście, 3 л. widzieli, -działy. Во множинѣ слѣдъ древней раздѣльности формъ сохраняется въ акцентовкѣ—удареніе приходится на 3-й слогъ съ конца; хотя иногда и эти формы подводятъ подъ общій законъ. Въ widziałem и widziałeś какъ помагальный глаголъ чувствуется только m и ś, а бѣглое e (widziałam, -łaś) кажется вставкой, и эти лица акцентуются по общему закону.—Мы знаемъ, что въ Староцерковномъ существительный глаголъ могъ не только слѣдовать за элевымъ причастіемъ, но и предшествовать ему и отдѣляться отъ него другими словами. Оттого и по-польски охотно присоединяютъ его къ какому-нибудь предшествующему мѣстоименію, нарѣчію, союзу. Такъ вмѣсто widziałem говорятъ и jam widział; вм. widzièliśmy—myśmy widzieli; вм. gdzie byłeś?—gdzieś był?; вм. co zrobiłem! (что я сдѣлалъ!)—com zrobił!, вм. gdy go kochałam (когда я его любила)—gdym go kochała; вм. bo nie wiedziałem (потому что я не зналъ)—bom nie wiedział и т. д. На письмѣ краткія формы существительнаго глагола принято сливать съ предшествующимъ словомъ.

По образцу только что разсмотрѣннаго прошедшаго Польскій языкъ развилъ себѣ новое спряженіе для 1-хъ и 2-хъ лицъ глагола być. Въ виду того, что при одинномъ 3-личьи był (съ польской точки зрѣнія это уже не причастіе, а форма личная) стояли byłem и byłeś, и къ jest образовали jestem, jesteś; такъ какъ при byli, -ły употреблялись byliśmy, -łyśmy, byliście, -łyście, то при są появились sąśmy, sąście: sąśmy wdzięczni мы благодарны, sąście szczęśliwi вы счастливы. Однако послѣднія соединенія встрѣчаются только въ старину и въ народной рѣчи; въ литературной они замѣнились новотворками къ одиннѣ: jesteśmy, jesteście. Такимъ возникновеніемъ послѣднихъ формъ объясняется и ихъ акцентовка: при образованіи путемъ сложенія вышло бы jèsteśmy, jèsteście, новотворки же естественно было акцентовать по общему закону.

Преждепрошедшее состоитъ изъ прошедшаго времени помагальнаго глагола и элеваго причастія спрягаемаго, и содержитъ такимъ образомъ два элевыхъ причастія: нпр. отъ глаг. napisać—napisałem był или jam był napisał, 3-ье лицо napisał był.

Сослагательное или условное наклоненіе. Это наклоненіе состоитъ изъ элеваго прич. и аориста быхъ, который въ такомъ упо-

требленіи сохранился, при чемъ однако подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Мы имѣемъ 1 л. pisałbym, ж. р. pisałabym (ср. pisałobym). Въ старинной и народной рѣчи мы находимъ pisałbych, гдѣ аор. сохраняется въ чистомъ видѣ. Pisałbym объясняется вліяніемъ прошедшаго времени; въ силу обратнаго вліянія языкъ старинный и народный допускаетъ вм. pisałem—pisałech. 2 л. сослаг. pisałbyś. Это byś своимъ ś обязано опять-таки прош. вр.,— въ старину встрѣчается и pisałby, т. е. настоящее 2 л. аор.; 3 л. pisałby. Во множинѣ 1 л. pisalibyśmy *), форма возникшая подъ вліяніемъ прошедшаго времени: въ старину и въ народномъ языкѣ находимъ также pisalibychmy, т. е. настоящій аористъ. Эта форма въ свою очередь повліяла на прош. и породила pisalichmy при pisaliśmy. 2 л. pisalibyście. 3 л. pisaliby. Вм. -by въ старину встрѣчается bychę. Написано bycho, что Миклошичъ читаетъ bychą—мое чтеніе основано на краткости оконч. хж у Сербовъ и у Чеховъ: плѣтяjāху, pletiechu (старочеш.); имперфектное хж у Поляковъ и Чеховъ (также у Лужичанъ и Болгаръ) зашло и въ аористъ. Byche д. б. не архаизмъ, а старопольская новотворка. См. мою статью „О (мнимомъ) аористѣ бимь" въ Сборникѣ составленномъ учениками Влад. Ив. Ламанскаго.—Условное *прошедшее* относится къ своему настоящему такъ, какъ преждепрошедшее къ прошедшему, и мы имѣемъ byłbym pisał, byłabym pisała, (byłobym pisało).

Будущее время обозначается сходно съ русскимъ, т. е. у глаголовъ совершеннаго вида выражается формою настоящаго, а у несовершенныхъ описывается посредствомъ *инфинитива* спрягаемаго глагола и будущаго времени помагальнаго: kochać będę (я буду любить). Есть однако и другой способъ—это соединеніе того же буд. вр. помаг. гл. съ *элевымъ причастіемъ* спрягаемаго— będę kochał, -a, -o. Такое описаніе существуетъ еще въ Словенскомъ языкѣ: bom ljúbil—буду любить. Соединеніе это встрѣчается уже въ Староцерковномъ, только оно тамъ имѣетъ значеніе преждебудущаго: бѫдѫ далъ=dedero—очевидно, Поляки и Словенцы сохранили такія выраженія отъ старины, только придали имъ значеніе будущаго вообще. Обратимъ вниманіе на разстановку

*) Также pisałybyśmy; соотвѣтственно тому и въ другихъ лицахъ.

частей разсматриваемаго времени: инфинитивъ ставится впереди помагальнаго глагола, а элевое причастіе—позади. Впрочемъ, можно указать и отступленія: Мицкевичъ въ одномъ письмѣ пишетъ: będziemy milczeć; въ народной же рѣчи бываютъ исключенія и изъ второго правила, т. е. можно услышать kochała cię będzie.

Терпный залогъ описывается, какъ и по-русски, напр. będę chwalony, kwiaty sieją się; опять-таки какъ по-русски обыкновенно предпочитаютъ дать рѣчи дѣйный оборотъ, нпр. chwalą mię. Своеобразно: 1) употребленіе иного помагальнаго глагола—zostać (остаться, стать, сдѣлаться), нпр. zostałem pochwalony и 2) употребленіе терпно-прошлостнаго причастія въ качествѣ безличнаго прошедшаго: z wieży zadzwoniono съ башни зазвонили, ostrzegano go—его предостерегали.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ стр. 14, стрк. 13 сн. Такое же упрощеніе мягкаго согласника можно видѣть въ словѣ sejm, при чешскомъ sněm и новоцерковномъ сьнмъ: seńmu, seńmowi и т. д. (основныя сънма, -моу и т. д.) могли перейти въ sejmu, sejmowi, примѣнительно къ чему назывно-винильный падежъ *sniem могъ замѣниться обычнымъ въ старину sjem; дальнѣйшее, полное, примѣненіе къ тѣмъ же падежамъ дало sejm. Срв. сьнмъ вм. снемъ-сонма.

Особенностью Польскаго языка, общею ему съ другими сѣверозападными языками, Чешскимъ и Сербо-лужицкимъ, является сочетаніе *дл*, вм. котораго прочіе языки представляютъ одинъ *л*: sadło, padło, radło, mydło, skrzydło (крило), motowidło, gardło, jodła (рус. ель, серб. jéла), modlitwa и т. п. Я впрочемъ склоненъ объяснять это *дл* не сохраненіемъ древняго *дл* и переходомъ *тл* въ *дл* (суффиксъ dło вм. *тло*), а возстановленіемъ коренного *д* у нѣкоторыхъ словъ—sadło, padło, jadło, siadło—и подражательнымъ распространеніемъ его на остальныя. Грамматическія замѣтки, т. I, О вставочныхъ д и т=Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. V, стр. 233—238. Однако теперь я признаю, что, несмотря на сохраненіе группы *стл* въ видѣ *сл*—wiosło изъ весло, вестло, вез-тло; masło изъ мастло, маз-тло, przęsło изъ

прęсло, прęстло, прęд-тло,—*тл* междугласное и слѣдовавшее за *р* могло перейти въ *дл*. Предполагать подражательное возстановленіе d особенно удобно въ элевомъ причастіи, нпр. padł, kradł, wiódł (при padę, kradę, wiodę и т. д.). Причастія съ *tł*—plótł, miótł и т. д. почти навѣрное содержатъ не древнее, а возстановленное t: если это не вставка, то замѣна возникшаго было d. Говоря о сѣверозападныхъ *дл* и *тл*, разумѣется, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ такія словà, какъ siodło, miotła, рус. сѣдло, метла=основнымъ седьло, метьла.

Сѣверозападною особенностью является также употребленіе звуковъ k и g въ словахъ kwiat (kwitnąć) и gwiazda—чеш. květ, hvězda, верхнелуж. kwětk, hwězda, нижнелуж. kwět, gwězda, при югозападныхъ и русскихъ *ц* и *з* (s): староцерк. цвѣтъ (цвисти) и звѣзда.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Грамматики.

Kopczyński, X(iądz) Onufry. Grammatyka języka polskiego. W Warszawie 1817.

Szțochl, Andrzej. Grammatyka historyczno-krytyczna języka polskiego. Warszawa 1854.

Muczkowski, Józef. Mała gramatyka języka polskiego. Petersburg 1860.

Rykaczewski. E. Grammaire de la langue polonaise. Berlin et Posen 1861.

Małecki, Antoni. Gramatyka języka polskiego większa. Lwów 1863.

Его же. Gramatyka języka polskiego mniejsza. Wydanie 2. Lwów 1866.

Его же. Gramatyka języka polskiego szkolna. Wyd. 5. Lwów 1878.

Его же. Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. 2 т. Lwów 1879.

Malinowski, Ks(iądz) Franc(iszek) Ksaw(ery). Krytyczno-porównáwczá gramatyka języka polskiego z dzisiejszego stano-

